

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АЛЕКС РУДИН

18+

The cover features a central illustration of a character in silhouette, standing with their back to the viewer. The character is wearing a dark, textured, fringed garment and holding a long, curved blade in their right hand. They are positioned in front of a large, glowing green circular light source, which creates a strong backlight effect. The background is dark with wispy, ethereal green patterns and some faint, glowing particles. The overall mood is mysterious and dark.

НЕМОЙ
ОХОТА НА НЕЖИТЬ

Алекс Рудин

Немой. Книга 2. Охота на нежить

«Автор»

2023

Рудин А.

Немой. Книга 2. Охота на нежить / А. Рудин — «Автор», 2023

Вторая часть приключений Немого в мире сказочной Древней Руси. На княжество налетают мары - тёмные твари, которые высасывают жизнь. Если кто и сможет с ними справиться - так только Немой. И сделает он это, как всегда - весело, бесшабашно и с лихим матерком.

© Рудин А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1: Бой на реке	5
Глава 2: Договор князей	10
Глава 3: Вино и череп	15
Глава 4: Похмелье	20
Глава 5: Мара	25
Глава 6: Засада	30
Глава 7: Возвращение в Старгород	35
Глава 8: Шейлуньский золотарь	40
Глава 9: Княжеские хлопоты	45
Глава 10: Проблемы нечисти	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Алекс Рудин

Немой. Книга 2. Охота на нежить

Глава 1: Бой на реке

– Слушай, Чупав! А что там за херня происходит?

Я кивнул на противоположный берег реки. Там ржали и вставали на дыбы лошади, слышались крики и резкие команды. Дружинники выпрыгивали из сёдел, рубили саблями траву, стреляли из луков в воду.

В общем – творилась непонятная хрень.

Княжеская дружина воевала изо всех сил. Только вот с кем?

Чупав усмехнулся:

– Лешие и лесовицы балуют. Ноги лошадям травой заплетают, чтобы прыти поубавить. Я вспомнил Михея, который в своем саду выращивал живые ловушки.

Бля! Он тоже леший, что ли? А Глашка тогда кто? Лесовица?

– Слушай, Чупав! Что-то они сильно развоевались. Что там за трава у вас такая?

Чупав озабоченно хмыкнул.

Не иначе Василю ещё и своих змей выпустил. У него на Дальнем болоте змей в этом году до хрена вывелось. Вот он и решил их в бой пустить.

Я представил, как в густой траве мелькают гибкие, вёрткие змеи, и по спине пробежал холодок.

На хер! Мне на сегодня змей хватило выше головы.

Ох, не завидую я княжеской дружине.

Чупав искоса глянул на меня и ухмыльнулся:

– Да там одни ужи и медянки. Гадюк нет. Но в траве – попробуй, разгляди.

– А мост с какого хрена рухнул? Мы утром по нему проезжали – нормальный мост, крепкий. Был.

– Это водяники опоры подгрызли. Им тоже от людей порой достаётся. То их в сеть поймают, то острой ткнут. Вот и отводят душу.

– Они же княжеских дружинников сожрут. А нам, как ни крути – потом жить вместе, в одном княжестве.

Чупав внимательно посмотрел на меня.

– Соображаешь, кот. Не сожрут. Притопят маленько и отпустят. Но на этот берег перейти не дадут.

– А коней?

– Коней сожрут. Оголодали на безрыбье. Тут уж ни хера не поделаешь.

Дружинники на том берегу расступились. Вперёд вышел толстый плечистый боярин в шубе с длинными рукавами.

Летом в шубе! Потница замучает, ипонат!

На солнце поблёскивали золотые пуговицы. На левом боку боярина висела сабля в позолоченных ножнах.

Боярин посмотрел с обрыва в реку, где кишели толстые буро-зелёные туши. Выразительно сплюнул и подал голос.

– Сдавайся, Немой! Колдовство не поможет! – крикнул он.

Его сильный густой голос эхом отразился от водной глади.

– С хера ли? – заорал я в ответ. – Сами сдавайтесь! Князя позови, убогий!

Сашка с Гришкой весело заржали. Даже Божен улыбнулся.

– Немой, я долго щит держать не смогу, – предупредил он. – Передышка нужна.

На лбу святоши выступили капли пота.

Бля! С того берега пока не стреляют, но начать могут в любой момент.

– Понял, Божен! Прощка, Чупав! Надо бойцов укрыть!

Чупав отдал короткую команду, и войско нечисти построилось плотным квадратом вокруг нас. Щиты бойцов по-прежнему были повернуты в сторону вражеского берега.

– Сдавайся, Немой! – продолжал орать боярин. – У вас мало войска! Под стрелами долго не простоите. А отойдёте от берега – мы переправимся, и пёсдец вам!

Хера се, его понесло. Перегрелся, что ли?

Хотя... А ведь он прав, сука такая!

Княжеские дружинники продолжали стрелять в реку.

– Они, бля, всех водяников перебьют!

– Не перебьют, – ухмыльнулся Чупав. – У водяников шкура толстая – в тине отлежатся.

Вода нужна, Немой!

– Много?

– Да хоть плоска.

Я почесал макушку.

– Джанибек! В кузнице есть вода?

– Есть! – ответил Джанибек. – Только она гнилая – пить нельзя.

– По херу, – махнул рукой Чупав.

Затхлая вонючая вода нашлась в бочонке возле наковальни. Чупав поморщился. Снял толстую рукавицу и похлопал ладонью по воде.

– Хлюпень! Ты жив там?

В воде появилось дробящееся отражение огромной жабьей морды.

– Держимся пока! – проквела морда. – Они, суки, бронбойными бьют!

– Держитесь у дна! Животы не подставляйте! Ща мы им устроим!

Морда согласно квакнула и исчезла.

Чупав снова хлопнул по воде ладонью.

– Девчули! Приём!

– Привет, дядя Чупав! – раздался из бочонка звонкий девичий голос.

В воде отразилась смешливая зеленоглазая девчонка в пёстром сарафане.

Ух, бля, какая!

Несколько секунд я всматривался в отражение. Потом понял, что девчонка присела возле лужи, прикрыв коленки подолом сарафана, и смотрит на нас сверху вниз.

– Запускайте древесников! – скомандовал Чупав. – Только осторожно, чтоб не помяли никого. Нам с людьми жить ещё!

– Поняла, дядька Чупав!

Девка подскочила и закричала куда-то в сторону:

– Марфа! Василю! Дядька Чупав велел пускать древесников!

– Связь отключи, торопыга! – крикнул Чупав.

Потом сам хлопнул ладонью по воде.

– Идём, Немой! Посмотрим!

Мы вышли на крыльцо. Я внимательно взгляделся в противоположный берег.

Ну, и чего?

Крики дружинников стали громче.

Ипать!

По макушкам деревьев словно прошёл ветер. Они задрожали, застонали. Ветки потянулись к бойцам князя. Те отчаянно отбивались саблями. Но ветки хватали их и вытаскивали из сёдел.

Я изумленно посмотрел на Чупава.

– Ни хрена себе вы подготовились!

Чупав довольно ухмыльнулся.

– Ну, так! Всех собрал, кого можно. Леших, болотников, полевиков. С дружиной справимся. Но против ополчения не устоим. Потому и надо договариваться.

– Я гляжу – ты всё на кон поставил.

Улыбка Чупава исчезла.

– И не только я, Немой, – серьёзно сказал он. – Все мы. Вся здешняя нечисть.

Голосистый боярин тем временем растерянно пятился назад от обрыва.

Толстый сосновый корень взрыхлил землю прямо перед его красными бархатными сапогами.

Не на войну собирался боярин – на победу! Потому и надел шубу и бархатные сапоги, расшитые золотом.

Я злорадно хмыкнул.

Корень хлестнул боярина под коленки, сбил с ног и толкнул вниз. Из воды вынырнула широкая лягушечья пасть.

Чавк!

Писдец шубе! Да и золочёной сабле тоже.

Стрелять с того берега перестали. Спутанные ветками и корнями княжеские дружинники барахтались, словно мухи в паутине. Растерянно ржали кони, оставшиеся без седоков.

И тут я увидел Сытина.

Он протолкался сквозь вооружённую толпу к берегу. Заглянул вниз. Знакомо покачал головой. И бесстрашно съехал к самой воде, тормозя каблуками.

Здоровенный водяник высунул из воды широкую плоскую морду. Потянулся к Сытину. Тот спокойно протянул водянику руку.

Обнюхав Сытина, водяник что-то квакнул и улёгся на воду, подставив спину. Рядом с ним лёг ещё один. И ещё.

Сытин шагнул на живой мост и пошёл, аккуратно ступая по спинам водяников. Он добрался до нашего берега и вскарабкался на обрыв.

Выглядел Сытин, как всегда – не выпавшийся, но весёлый.

– Ну, здорово, Немой! Ни хера себе, ты банду сколотил! Привет, Чулав! Божен! Слезь с Потапыча, дай передохнуть старику! Заездил его совсем. Стрелять больше не будут.

– Здорово, Василий Михалыч! – ухмыляясь, ответил я.

– Ипать! – удивился Сытин. – Заговорил, всё-таки! Русалки помогли? Я так Потапычу и сказал – пусти Немого к русалкам, должны помочь. У него с девками контакт хороший.

Бля! Заговорщики херовы!

Божен слез с медведя. Медведь шумно выдохнул и обернулся Потапычем.

– Бля! – сказал Потапыч. – Всю спину отсидел!

Выпрямился и, охнув, схватился за поясницу.

– Прости, Немой, что не успел к бою со змеёй! Не думал, что князь рискнёт меня под арест посадить, – серьёзно сказал Сытин. – Но видел, как вы с Потапычем её захерачили. Весело получилось.

– Куда уж веселее! – проворчал Потапыч. – Брюхо теперь до осени обрастать будет.

– Ничего! – заржал Сытин. – Я тебе ещё мёда привезу. От него шкура быстрее заживает. Да и девки бритых мужиков больше любят.

– Нормально у меня с девками! – отбрил Потапыч. – За собой смотри, Васька! Из-под ареста не мог сбежать, жучара? В жисть не поверю! Отсыпался там в серебряной клетке.

– Мог, – легко согласился Сытин. – А кто бы тогда к вам сейчас переговорщиком пошёл? Стратег, бля!

– Что я тебе говорил, Немой? – обернулся ко мне Потапыч. – Был план у Васьки. Он без плана даже огурцы в детстве из чужого огорода не писдил.

– А где Глашка? – спросил я.

– Ни хера се, сколько ты терпел, прежде чем спросить! – снова захохотал Сытин. – Дома она, с Михеем. Всё в порядке.

Я поневоле улыбнулся. В груди потеплело.

– Ну, как – снял камень с души? – спросил меня Сытин, разглядывая дымящиеся развалины деревни.

Я по привычке молча кивнул. И кое-что вспомнил.

– Василий Михалыч! Тут тёзка твой без дома остался.

– Я показал на растерянного Ваську, который жался поближе к кузнице от вооружённой толпы.

– Должен я ему – зимой дрова у него писдил, чтобы не замёрзнуть.

– Должен – так отдай и закрой вопрос, – ухмыльнулся Сытин. – Казна-то княжеская у тебя.

Ипать! И правда! А ты-то как догадался?

– Чтоб Сытин про деньги не знал? Не бывает такого! – подмигнул мне Потапыч.

И этот мысли читает! Ну, колдуны херовы!

Я запустил руку в сундучок, вытащил оттуда горсть золотых монет и протянул Ваське.

– Держи! От князя Всеволода за ущерб.

– Да на хера мне столько? – обалдел Васька. – Я это в жисть не пропью!

– Ну, что, Немой! – весело улыбнулся Сытин. – Воевать с князем будешь, или договариваться?

– А что князь думает? – спросил я.

– Ни хера он не думает. Закрылся в карете и сидит – меня ждёт. А карета на дереве висит.

– Нормально, чо! Пусть пока княжество осмотрит. Вдруг беспорядок где увидит.

– А по делу что скажешь?

Я пожал плечами.

– Надо договариваться. Ты же сам говорил, что войну княжество не выдержит. Враги только того и ждут – чтобы мы изнутри грызню начали.

Только я теперь князю не верю – после твоего ареста. А княжичу – тем более!

Я кивнул на княжича, который жадно прислушивался к нашему разговору.

Сытин бросил косой взгляд на наследника престола.

– Так-то, я тоже... Но есть способ.

– Сварить в кипятке?

– Бля, Немой! Откуда ты этого набрался? – возмутился Сытин.

– А чего? – удивился один из бойцов Купава. – Щавеля добавить, и за милую душу пойдёт!

– Ну и компания, – покачал головой Сытин.

– А ты поживи на болоте! – возразил боец. – Ещё не то сожрёшь.

– Ладно, кулинары! Отдыхайте пока – навоевались за сегодня. А я обратно к князю пойду.

Есть у меня план, как вас с ним помирить.

– Что за план? – поинтересовался я.

– Нормальный план. Немой, ты мне не веришь, что ли?

– Ну... так, – искоса посмотрел я.

– В смысле? – охренел Сытин.

– А если князь тебя опять под арест посадит?

Из ушей Сытина пошёл пар. В прямом смысле.

Всё-таки, колдун – это охеренно. А колдун, которого подыпали – вообще на пять с плюсом!

– Василий Михалыч, ты скажи князю: пусть отпускает дружину в Старгород. А сам приезжает к Потапычу за казной и наследником. Там и договоримся.

– А почему ко мне? – проворчал Потапыч. – У меня дом отдыха, что ли?

– А куда ещё? – резонно возразил я.

– Не поедет князь, – покачал головой Сытин. – Побойтся.

– Кого? Своих подданных? Какой же он тогда князь?

– Ну, ты и обнаглел, Немой! Так и передать?

– Ну, да.

Сытин задумчиво почесал подбородок.

– Хм... Может, ты и прав. У тебя зеркальце с собой? Жди, я сообщу.

Глава 2: Договор князей

Мы поглядели, как Сытин перебирается по водяникам на другой берег. Вот он ловко влез на обрыв. Обернулся к нам, махнул рукой и затерялся среди дружинников.

Минут через пятнадцать у меня за пазухой завибрировало.

Я достал зеркальце и провёл пальцем по стеклу.

– Немой! Князь согласен, – сказал Сытин. – Скомандуй там, чтобы Чупав своих леших распустил. Предводитель нечисти, бля!

А что? Звучит!

Мы поглядели, как помятая княжеская дружина усаживается на коней и разворачивается в сторону Старгорода. На берегу остались князь Всеволод на рыжем коне, Сытин и ещё несколько дружинников.

Сытин помахал нам рукой. А князь даже не посмотрел в нашу сторону.

– Не обманет тебя князь? – спросил Чупав.

Я усмехнулся.

– Я же не один поеду. Вместе воевали – вместе и договариваться будем. Только войско своё отпусти.

– Всех отпустить?

– Да у нас и так компания немаленькая, – я кивнул на дружинников.

Ладно! – кивнул Чупав.

Он обернулся к своим бойцам.

– Князь Всеволод согласен на переговоры! На нашей земле будет мир!

Лешие и болотники восторженно взревели. Копья, топоры и дубины взлетели вверх.

Красота!

А чего они там орут?

Я прислушался.

– Слава князю Немому! – деловито выкрикивало войско нечисти.

Охренеть, бля!

Я покосился на своих дружинников, но они с невозмутимыми лицами седлали коней. Словно так и надо. Даже Божен деловито одёргивал рясу, не обращая внимания на крики воинов.

Чупав поднял руку.

– Все по домам! Ждите хороших новостей!

Воины Чупава развернулись и колонной пошли в сторону ближайшего болота.

– Поехали! – сердито буркнул Потапыч. – Жрать охота!

Сытин с князем явились ближе к вечеру. Неторопливо выехали на поляну, оглядываясь по сторонам. За ними тянулись четверо княжеских дружинников на усталых конях.

На поляне сразу стало тесно.

– Ну, здорово, Немой! – сказал князь, спрыгивая с лошади и отдавая поводья Мишке.

Приехал. Не испугался.

– Здравствуй, князь! – ответил я. – Проходи к огню.

Глаза князя сузились. Он обвёл взглядом поляну и увидел связанного сына. Княжич жалко смотрел на отца.

– Охренели?! Развяжите его!

Княжеские дружинники сбились кучкой, поглядывая на нас. Гадали – будет драка, или нет. Но за сабли пока не хватались.

Я пожал плечами.

– Как скажешь, князь. Он от тебя сбежать пытался. Забирай и сам развязывай. Мне он остописдил уже.

– Так это не вы с Сытиным его украли? А я думал...

– Кому он нужен, княже? Прости за грубость.

Плечи князя сгорбились. Он стянул с головы шлем.

Бля! Совсем поседел от хлопот. Ну, вот и на кой хер такая нервная работа?

– А мне Хвороба все уши прожужжал, что вы с Сытиным бунт затеяли. Княжича украли и меня свергнуть хотите. Ты, Немой, уже знаешь – чей ты сын?

– Знаю.

– А я вот не знал, Немой! Не знал, что мать брата на смерть отправила. Догадывался, да! Спросить боялся. Веришь?

Князь шагнул ко мне.

– А может, и не отправляла она? Может, те литвины случайно на твоих родителей напались? Ну, ведь может же такое быть? Мало ли банд по лесам шалит?

Я вспомнил заранее подрубленную ёлку, и то, как деловито нападавшие пробивались к княжеской повозке.

Нет, не была та стычка случайной.

– Мы потом их догнали, – продолжил Всеволод. – Я сам двоих зарубил! И тело брата привезли в Старгород. Похоронили по-княжески. Ты был у него на могиле?

– Нет, княже. Не успел ещё.

– Мать на похоронах слезинки не проронила. Стояла, словно каменная. И Хворобу с его дружинниками куда-то отправила сразу. Три дня его не было. А когда вернулся – мать на него кричала, страшно.

Я молча смотрел на князя.

– Знаешь, что я теперь думаю? – спросил князь, глядя мне в глаза. – Хвороба ездил искать тело твоей матери, Ирины. Но не нашёл. Как и мы.

Я пожал плечами.

– Это давно было, княже. Что теперь вспоминать? Давай решать – как сегодня жить будем. Только сначала поедим. День был длинный.

– Готова похлёбка! – объявил Мишка, помешивая деревянным половником дымящееся варево в большом медном котле.

Дружинники, убедившись, что драки не будет, повеселели. Загомонили, загремели посудой и потянулись к костру.

Из лесу притащили пару длинных брёвен, положили их возле огня и расселись. Неугомонная молодёжь, наскоро выхлебав похлёбку, отправилась рубить лапник на шалаш.

– Эх, бля! Жалко – выпить нечего! – протянул я, разглядывая содержимое своей миски.

В коричневом бульоне плавали куски грибов, мясо, рыба и ещё какая-то хрень. Всё это вместе выглядело очень подозрительно. Но пахло так вкусно, что голова кружилась.

Я зачерпнул ложкой горячую похлёбку и осторожно попробовал. А ничего! Грибы с мясом, и ещё что-то пряное.

Пойдёт!

– Чой-та выпить нет? – возмутился Чупав. – Сейчас всё будет!

Он в два глотка доел похлёбку, ополоснул миску и плеснул в неё чистой воды. Щёлкнул пальцем по поверхности.

– Василю! Ты где там? Спишь? А какого хрена ты спишь, когда я не сплю? Вечер? Самое время для нечисти. Ты нечисть, или кто?

Чупав довольно хохотнул.

– Слушай, Василю! Сгоняй в Старгород, в мою кузницу. Ты был у меня – железо привозил. Вот! Там в углу за горном бочонок. За горном, понял? Не перепутай! Который у входа – в том масле. А ты возьми за горном. И тащи к Потапычу, мигом!

Из миски что-то недовольно пробулькало. Чупав нахмурился.

– Что значит, один не дотащишь? Ты леший, или кто? В прошлом году корову украл – дотащил? Давай быстрее, бля! У нас тут пятнадцать трезвых мужиков от жажды помирают! Всё, отбой!

– А как это он сгоняет в Старгород? – удивился князь Всеволод. – Там ворота закрыты, и охрана стоит!

– Что нечисти твоя охрана, князь? – ухмыльнулся Чупав. – Ты же сам сегодня видел.

Князь задумчиво сдвинул брови. А Чупав продолжал:

– Только и мы тоже люди, князь! Тоже хотим жить спокойно, в мире.

Голос Чупава звучал мягко, убедительно. Я увидел, что князь поневоле кивает.

Бля, да я и сам чуть не закивал!

Колдунов развелось – плюнуть некуда!

Но так-то Чупав правильно князя обрабатывает. Не хрен ему мешать.

– А налоги? – встрепенулся князь. – Каждый житель в казну налог платит. А вы? Как вас посчитать, как налоги собрать?

– Договоримся, князь! Обо всём договоримся! Главное – чтобы всё по-человечески было!

Этому Чупаву не в кузнице молотом махать, а на рынке лошадьми торговать! Он бы и трёхногую кобылу продал!

С середины поляны раздался негромкий свист. Мы обернулись.

Под сосной прямо из воздуха появился низенький леший. На его загривке лежал увесистый бочонок литров на сто, не меньше.

Челюсть князя отвисла.

– Как это? Он уже в Старгород сбежал? И сюда успел?

– А то! – самодовольно ответил Чупав. И добавил, обращаясь к лешему:

– Василю! Ты чего так долго-то?

Леший, крикнув, опустил бочонок на траву.

– Забирайте! Чупав! Я тебе там ящик железа припёр! Мечей накуёшь?

– Завтра накую. Иди к нам, Василю! Выпей кружку!

Леший помялся.

– Если только одну. Марфа моя ругаться будет.

– Погодите! – вмешался князь. – Василий Михалыч!

Он умоляюще посмотрел на Сытина.

– Это и есть твой кузнец, что ли? Который оружие против нечисти куёт!

– Ну, – ответил Сытин, хлебая грибной суп.

– Так, а как же? Он же сам нечисть!

– Нечисть – она разная бывает! – наставительно сказал Божен, подходя к костру. Он сильно хромотал, но уже шёл самостоятельно.

Ай, да Потапыч! Быстро он святошу на ноги поставил!

В свете пламени на груди священника блеснул медный крест.

Князь выпучил глаза на Божену.

– А священник что здесь делает? – спросил он, поочередно глядя на нас. – Я вообще ни хрена не понимаю уже!

– Выпить надо! – поддакнул Чупав. – Как выпьешь – так и поймёшь.

Он вытащил из-за голенища нож и ловко подковырнул им крышку бочонка.

– Давайте посуду!

В бочонке оказался кисло-сладкий напиток. Он глотался легко и растекался по телу энергичным весельем.

– Болотный мёд, – объяснил Чупав. – В болотах есть небольшие островки высокого леса. Пчёлы, которые там водятся, собирают нектар только с болотных цветов. Из их мёда мы делаем это вино.

– Вкусно! – одобрил князь и потянулся за второй порцией.

Но Чупав мягко остановил его.

– Я тебе целый бочонок такого привезу. У нас вся ночь впереди для веселья. Давай сначала дело решим.

Князь Всеволод насупился и посмотрел на Сытина. Но тот решительно кивнул, поддерживая Чупава.

– Такие решения, княже, откладывать нельзя. Народ ждёт.

– Хорошо! – тряхнул головой князь. – Предлагайте!

Он выпрямился и обвёл всех суровым взглядом. Сидевший рядом с ним княжич втянул голову в плечи.

– Мы – те, кого вы называете нечистью – хотим, чтобы нами правил Немой, – прямо сказал Чупав. – У нас был договор с его отцом, Иваном. И с Немым мы тоже заключили договор на крови.

– Но людьми правит князь Всеволод, – мягко сказал Сытин. – А княжество одно. Делить его нельзя. Да и как поделишь? И люди, и нечисть живут повсюду.

– Верно, – сказал Чупав. – Но князья могут договориться между собой. Князь Всеволод будет править землёй и людьми. А Немой станет его советником. За ним будем стоять мы – нечисть!

Это слово Чупав произнёс, гордо вскинув голову.

– А мой сын? – спросил Всеволод, кивнув на княжича.

– У всех нас есть сыновья, – вздохнул Чупав. – Твой сын продолжит дело отца и тоже заключит договор с Немым. А потом – и с его сыном.

Бля! Они меня женили уже, что ли? И детей за меня настругали?

Всеволод тяжёлым взглядом посмотрел на меня. Похоже, пора вмешаться в разговор. А то сижу, как на именинах.

– Если мы начнём ссориться, княже, – сказал я, – неизвестно, чья возьмёт. Но точно выиграют враги княжества. А вместе мы станем сильнее. Погляди на этих людей!

Я кивнул на Чупава и на восхищённо молчавшего лешего.

– Это сила! Наша сила.

Леший не выдержал и вскочил.

– Мы – сила! Да!

– Сядь, Василю! – покачал головой Чупав.

Я вытащил из-за голенища нож. Но Чупав остановил меня.

– На твоём мече будет вернее.

Я усмехнулся, убрал нож и достал из ножен Убийцу нечисти.

Символично, бля!

Легко прикоснулся лезвием к ладони и почти не ощутил боли. Из-под лезвия выступила тёмная кровь.

Чувствуя, как тёплые струйки стекают по пальцам, я протянул меч князю Всеволоду.

Он взял меч в левую руку и приложил правую ладонь к лезвию. Затем отдал мне меч и протянул руку.

Не отпуская руки и глядя мне прямо в глаза, князь Всеволод твёрдо сказал:

– Я, князь Всеволод, заключаю с князем Добрыней Немым вечный договор о мире, дружбе и помощи.

Я глубоко вдохнул и повторил:

– Я, князь Добрыня Немой, заключаю с князем Всеволодом вечный договор о мире, дружбе и помощи.

Ещё мгновение мы держали ладони друг друга, потом отпустили.

– Теперь ты, сын, – кивнул князь Всеволод княжичу.

Княжич медленно поднялся с бревна. Руки его дрожали.

Я протянул ему меч, но он посмотрел на меня упрямым взглядом. А потом перевёл глаза на отца.

– Это... это же на всю жизнь! – запинаясь, сказал он. – Я... нет! Я так не могу!

Глава 3: Вино и череп

Княжич сжал кулаки.

– Я должен подумать! Отец! Договор на крови – он на всю жизнь! Его не отменить!

– На всю жизнь? – негромко спросил князь Всеволод. – А где твоя жизнь, Миша? Она кончилась в том сарае, где тебя связали. А этой жизнью ты Немому обязан. И князем теперь будешь, только благодаря ему. Вот это – тоже на всю жизнь. Подумай об этом, Миша.

Да ладно, бля! Благодаря Немому! Тут куча народу старалась, чтобы жопу княжича спасти. Джанибек чуть глаза не лишился. Потапыч шерстью на брюхе пожертвовал. А этот молокосос ерепенится.

Но у княжича, всё-таки, хватило ума сообразить, что с детскими обидами пора заканчивать. Некоторое время он стоял, оторопев. А потом кивнул и протянул мне руку.

Ну, так-то лучше, бля!

Я отдал ему меч. Он стиснул зубы и резанул лезвием по ладони.

Бля, пальцы-то не отрежь от старательности! Послали боги братишку!

– Я, князь Добрыня Немой заключаю с княжичем Михаилом вечный договор о мире, дружбе и помощи.

– Я, княжич Михаил, заключаю с князем Добрыней Немым вечный договор о мире, дружбе и помощи.

Мы пожали друг другу руки, и наша кровь смешалась. Княжич чуть скривился – видно, рука сильно болела.

Я махнул Потапычу:

– Перевяжи руку княжичу! Перестарался он маленько.

Потапыч глянул на рану и потащил княжича в избушку.

– А сейчас – всем вина! – крикнул повеселевший князь Всеволод. – Праздновать будем!

Джанибек и Божен тоже похромали вслед за Потапычем – мазать раны. Не избушка – полевой госпиталь прямо! И слава богам!

Дружинники взялись за костёр и бодро загремели посудой. Чупав прихватил топор и отправился за дровами.

Ну, правильно! Кому и рубить дрова, как не лесному жителю?

Мыш бросил на меня виноватый взгляд и юркнул под крыльцо избушки. Вот у кого с личной жизнью всё в порядке!

Выпив вторую кружку болотного вина, я убедился, что всем вокруг охеренно весело, и решил выкроить пару минут для себя. Поднялся с бревна и потихоньку спустился к реке.

Одежда настолько провоняла гарью пожара, что я сдирал её с отвращением. Выбросил бы! Но пока это единственные шмотки, которые могут перекидываться вместе со мной.

Ну, хоть отстираю их, как смогу! И сам заодно сполоснусь.

А может, и русалок опять увижу? Особенно ту, рыженькую!

Я громко плескался, хлопал руками по воде. Пару раз даже позвал украдкой:

– Эй, девки! Где вы?

И хрен там! Девки куда-то свалили по своим русалочьим делам. Так я решил. Ну, не думать же в самом деле, что они просто не хотят ко мне плыть! На хер мне такие потрясения?

Я выполоскал рубашку и кафтан и принялся за штаны. Как вдруг услышал печальный голос, идущий откуда-то из глубины реки.

«Немой!»

Началось, бля!

Я подхватил штаны и вприпрыжку поскакал к берегу. Но цепкая лапища опять ухватила меня за лодыжку.

«Погоди, Немой!»

Ага! Хер тебе!

Я изо всех сил пнул ногой в глубину и попал во что-то мягкое. Хватка ослабла.

Рядом со мной вынырнула громадная бородавчатая голова. Один глаз смотрел на меня, а второй – куда-то в сторону.

– Немой! – прошамкала голова. – Чего ты дерёшься? Чуть глаз не выбил. Потапыча позови! Худо мне!

Я гольшом выбежал на поляну. Дружинники, увидев меня, вскочили и схватились за оружие. Но я махнул им рукой и заколотил в дверь избушки.

– Потапыч! Там водяник помирает!

Чуть не уронив банку с мазью, Потапыч вылетел из избушки.

– Где?

Ну, не в лесу же!

Мы бросились обратно на берег.

– Хлюпень! Что с тобой?

– Худо, Потапыч! В брюхе что-то колом встало!

– Ну-ка, покажи!

Водяник с трудом перевернулся, показав белое пятнистое брюхо. В центре брюха виднелась отчётливая выпуклость.

– Вот! Болит, зараза!

Потапыч ошупал больное место, надавил руками. А потом врезал со всей дури по выпуклости ногой.

Лекарь, ипать!

Выпуклость исчезла. Водяник схватился лапами за брюхо, икнул, потом рыгнул. Засунул лапищу в пасть и вытащил оттуда саблю в позолоченных ножнах. Протянул её Потапычу.

– Спасибо, Потапыч! Держи!

На поляне меня ждал встревоженный Чупав.

– Немой! Пойдём, покажу что-то!

– Погоди, я хоть штаны надену!

Я натянул запасные штаны и пошёл вслед за Чупавом в лес. Кузнец безошибочно подвёл меня к раскидистой ёлке. Её широкие нижние ветки почти стелились по земле.

Как по мне, ёлка ничем не отличалась от соседок.

– Я дрова искал и наткнулся. Вот! Совсем рядом с поляной!

Я наклонился, заглянул под колючие лапы и увидел обтянутый мохнатой шкурой скелет. Его тонкие лапки заканчивались копытами.

– Поросёнок, что ли?

– Кабан.

– Ну, и что в нём интересного? Судя по виду, он ещё в прошлом году сдох.

– В прошлом году? – усмехнулся Чупав. – Вчера ливень был. Смотри сюда.

Я повернул голову и увидел на мокрой земле свежие отпечатки копыт.

– Да ну на хер! – неуверенно сказал я. – Один кабан в лесу, что ли? Наверняка это другой пробегал.

Чупав нагнулся и с лёгким хрустом отломил сухую кабанью ногу. С излома поднялась лёгкая пыль.

Я поморщился.

Кузнец примерил копыто к следу.

– Подходит, бля! – удивился я.

– Угу, – согласился Чупав.

Выбросил копыто и вытер ладонь о штаны.

– Кто ж его так высосал?

Не то, чтобы я сильно переживал за кабана. Но любопытно же!

– А вот не знаю, – пожал плечами Чупав. – Ран я на нём не вижу.

– Да тут хер чего увидишь, – согласился я. – Ладно, идём! Жрать охота, да и потеряют нас там, встревожатся.

Я отпустил еловую ветку, и она в благодарность обдала меня холодным дождём. Я поёжился.

– Брр!

– Вот объясни мне, святоша! – горячился князь. – Зачем боги поделили людей на...

Он запнулся, подыскивая слово. Махнул рукой и продолжил:

– На людей и нечисть? Зачем, а?

– Всякая тварь на земле – от богов! – степенно ответил священник. – И все должны жить в мире друг с другом! А кто не хочет жить в мире – тому мы по зубам ипанём! Сразу задумается!

Произнеся эти миролюбивые слова, священник основательно приложился к кружке.

Князь тоже отхлебнул вина.

– Хорошо! – кивнул он Божену и чуть не упал с бревна. – А откуда ты это знаешь? Кто тебе сказал?

– Перун сказал, – ответил священник.

– Когда? – удивился князь.

– Позавчера.

– Это другое дело, – снова кивнул князь. – Познакомишь?

– С кем?

– С Перуном!

– Познакомлю.

Священник снова зачерпнул из бочонка.

– А поехали сейчас! – загорелся идеей князь.

– Сейчас нельзя, – мотнул головой священник. – Занят он. Испепелит!

– А когда?

– Потом.

– Эх, бля! – заорал князь на вес лес. – Плясать хочу! Леший! Идём плясать!

Пламя костра металось на ветру. Дружинники, пригорюнясь, тянули грустную песню о молодом воине, который храбро погиб в битве с врагами.

А посреди поляны под сосной плясал князь Всеволод в обнимку с лешим.

Охренеть, бля!

– Джанибек! – негромко спросил я. – Княжич где?

– Его Потапыч отваром напоил и уложил в шалаше. Сказал – до обеда проспит.

Я поднялся с бревна и заглянул в шалаш. Княжич был там. Мирно сопел в две дырочки, отвернувшись к колючему еловому скату крыши.

Я внимательно оглядел шалаш и забеспокоился.

– Прощка! А казна куда подевалась?

– Да! Где моя казна? – громко спросил князь, услышав мой вопрос.

– Её Потапыч в избушку унёс, чтобы не проипать, – ответил Прощка.

– Потапыч – наш человек! – провозгласил князь. – Он не проипёт! Давайте ещё выпьем! Чупав, усмехаясь, налил князю вина. Тот выпил и полез к кузнецу целоваться. А потом доипался ко мне.

– Немой! Вот ты – князь! И я князь! Я дядя, а ты – племянник! Но это неважно!

Он снова потерял нить рассуждений и задумался, морща лоб.

– Во! Пойдём к девкам! По-княжески! Мне Сытин сказал, что ты здесь всех русалок знаешь! Познакомь, а!

Я уже хотел по-родственному послать его на хер. Но тут знакомый голос из-за спины спросил:

– Каких ещё русалок? Немой! Я думала, ты со змеями воюешь! А ты здесь с русалками крутишь?

Я подскочил с бревна и оглянулся.

Посреди поляны стояла Глашка.

За её спиной маячил ухмыляющийся Михай.

Часа через полтора народ угомонился. Леший свалил домой. Расстроенный князь чуть было не завалился спать прямо у костра, в обнимку с пустым бочонком. Чупав и Божен долго уговаривали его разместиться в шалаше.

– Я – князь! – отбивался Всеволод. – Я должен княжество охранять! Буду караулить здесь.

В конце концов, он вырубился, и его просто унесли.

Караулить стоянку остался один из дружинников князя.

Ну, а хер ли? Пьянка – пьянкой, а служба – службой.

Я тихо поскрёбся в дверь избушки Потапыча.

– Потапыч! Потапыч, открой! Дело есть!

Глашка дёрнула меня за рукав.

– Немой, не надо! Неудобно старика беспокоить!

– Да ладно!

Я постучал сильнее.

Внутри избушки послышалась возня. Дверь скрипнула. В щели появилась заспанная физиономия Потапыча.

– Немой? Чего тебе?

– Потапыч! Уступи избушку на часок, а?

– Чего? Иди на хер, Немой! Вон, в кусты валите.

– В смысле, на хер? Я – князь, вообще-то! А в кустах холодно! И комары за жопу кусают! Но Потапыч молча захлопнул дверь избушки.

Неудача, бля!

Из-под крыльца выглянул хмурый Мыш.

– Немой! Ты чего шумишь? Я только детей уложил!

Я уставился на Мыша.

– Каких детей?! Мы всего три дня здесь! Или меньше? Я, бля, запутался. А ты уже детей завёл?

– Улучшаю демографическую ситуацию в княжестве! – гордо ответил Мыш. – И тебе советую. Тем более – ты князь.

Охереть!

Мыш смотался обратно под крыльцо, а я обнял Глашку.

– Ты, часом, мышиный ход прокладывать не умеешь? Отсюда и до спальни?

Глашка улыбнулась.

– Я – нет. Михай умеет. Попросить его?

– Да он дрыхнет уже. Ладно, пойдём у костра посидим.

Напоследок я злорадно наподдал коленкой в дверь избушки. Выслушал из-за двери гневное: «Ща перекинусь, и кому-то башку откушу!», и довольно ухмыльнулся.

Я повернулся к костру. В глазах потемнело. Воздух вокруг словно залили чернилами. Огонь еле заметно мерцал сквозь густую черноту.

Тревожно заржали кони.

Э, что за херня?! Перепил, что ли?

Я недоумённо поморгал глазами. Постепенно вокруг посветлело. Ну, как посветлело? Просто ночь стала нормальной. Я снова различал тёмные деревья, силуэт сосны посреди поляны. Костёр горел, бросая оранжевые блики на шалаш и сидящего возле огня дружинника.

Мы подошли к огню. Я стянул с себя кафтан, постелил его на бревно и усадил Глашку. Потом повернулся к дружиннику.

– Заскучал, служивый?

Он не ответил.

Я всмотрелся и охренел.

Из ворота красного кафтана на меня, ухмыляясь, глядел обтянутый кожей череп.

Глава 4: Похмелье

Я почувствовал, как по спине побежали противные мурашки. Череп дозорного по-прежнему ухмылялся прямо мне в лицо. Я рассматривал его крупные жёлтые зубы, попутно сообщая – что делать-то бя!

– Он что, мёртвый? – с любопытством спросила Глашка.

Нет, ипать! Задремал ненадолго!

Я с опаской поглядел на Глашку. Щас как завизжит. Или, того хуже, в обморок хлопнется.

– Охренеть! – сказала Глашка. Глаза у неё радостно горели. – Немой! У меня идея! Давай искать того, кто это сделал!

Неприменно! Прямо сейчас и начнём. Ты налево пойдёшь, я – направо. Кого первого высосут – тот и выиграл.

Я вытащил меч и внимательно огляделся по сторонам. Вроде ничего необычного. Догорают костёр. Вокруг поляны тёмной стеной стоит лес. В чёрном небе переливаются крупные спелые звёзды. Неслышными тенями двигаются в ночной темноте пасущиеся лошади.

Благодать! Вон, даже покойник улыбается.

Я убрал меч в ножны и подкинул в огонь дров. Пламя зашумело, разгораясь, осветило поляну.

Я снова огляделся. Всё нормально. Кроме мумии, сидящей напротив.

Думай-не думай, а надо будить Сытина.

– Глаш, посиди у костра! Только никуда не уходи!

Вообще-то, дозорный тоже у костра сидел. И никакой пользы это ему не принесло. Но мне так было спокойнее.

Я подошёл к шалашу, из которого раздавался богатырский храп. Наружу беспорядочно торчали ноги – босые и в сапогах. На всякий случай, я их пересчитал – тринадцать.

Как так-то бя?!

Я выбрал ногу, которая больше всего была похожа на ногу Сытина, и подёргал за неё. Нога попыталась втянуться внутрь. Я упрямо потащил её наружу. Внутри шалаша кто-то ругнулся. Затем оттуда вылез Сытин.

– Немой? – спросил он, щурясь на свет костра. – Тебе чего?

Услышав мой рассказ, Сытин мгновенно проснулся. Подошёл к костру и внимательно рассмотрел мертвеца.

– Так, – сказал он и почесал подбородок. Немного подумал и добавил:

– Так, бя!

Ещё помолчал и начал командовать:

– Значит, план такой. Надо всех разбудить, осмотреть и пересчитать. Только не скопом, а по очереди, чтобы суматохи не было. Как ты думаешь, Немой?

Я показал Сытину большой палец.

– Вот и ладно. С кого начнём?

– С Потапыча! – мстительно предложил я.

– Почему с него? – удивился Сытин.

– Он нас с Глашкой в избушку не пустил!

– Резонно. Ну, идём.

Я кивнул Глашке.

– Пойдём!

Подойдя к избушке, Сытин решительно постучал.

– Потапыч! Открой, дело есть!

Дверь открылась так быстро, словно Потапыч караулил, когда мы постучим.

– Тебе чего, Васька? Тоже бабу привёл?

Глашка сердито нахмурилась.

Потапыч поглядел на неё и понял, что сморозил херню.

– Прости, девка! Достали уже стукари эти! Ну, что у вас случилось?

Мы рассказали Потапычу о грустной судьбе княжеского дружинника.

– Ага! – сообразил он. – И вы обо мне первом побеспокоились. А с чего вдруг?

– Потапыч, пусть Глашка у тебя посидит, пока мы разбираемся, – попросил я.

– Вот оно что! Ну, ладно.

Потапыч посторонился.

– Проходи, девка!

Глашка надула губы.

– Немой, я с вами хочу! Дядь Вася, скажи Немому!

Ага, щас!

Сытин грозно нахмурил брови. Глашка горько вздохнула и скрылась за дверью.

– погоди, Потапыч! – сказал Сытин. – Божен там с тобой? Всё нормально с ним?

– А что ему делается? Дрыхнет пьяный!

– Ну, хорошо. Не буди его пока, пусть выспится. Чует моё сердце – будет сегодня работа у святоши.

Пока мы договаривались с Потапычем – начало светать. Мрак потихоньку превращался в серый сумрак. Похолодало, на поляну опустился еле заметный туман. Земля стала мокрой от росы.

– Идём будить остальных, Немой! – сказал Сытин.

Потапыч, хмурясь, пошёл с нами. Дверь избушки он, на всякий случай, подпёр снаружи толстым колом.

Я одобрительно кивнул.

Потапыч внимательно осмотрел покойника, расчесал пальцами бороду и бросил Сытину одно короткое слово:

– Мара.

Сытин удивлённо приподнял бровь и прищёлкнул языком.

Мы принялись по одному вытаскивать из шалаша заспанных похмельных дружинников. Каждого осматривали, коротко опрашивали о самочувствии и отправляли в один край поляны. Пусть будут на виду – мало ли что!

Лица бойцов были разной степени помятости. Голоса хрипели. Но улыбчивых мумий не попадалось.

Троим дружинникам вручили котел и отправили к реке за водой, строго приказав держаться вместе.

– Даже в кусты по нужде – только командой! – сказал Сытин.

Чулав, выбравшись из шалаша, пригладил растрёпанные волосы, жадно опустошил половину котелка холодной речной воды. Глаза его прояснили. Он поглядел на высушенного дружинника и кивнул мне.

– Помнишь вчерашнего кабана, Немой?

– Какого кабана? – заинтересовался Сытин.

Мы коротко рассказали ему о зверином трупике под ёлкой.

– Найти сможете? Тащите его сюда. Гиппократу Поликарпычу отвезём – пусть разбирается.

Я не стал выпендриваться перед Сытиным на счёт своего нового титула. Как ни крути – он тут лучше всех разбирается, что надо делать. Раз отправляет меня – значит, мне и идти. Хер ли спорить?

Да и размяться после тяжёлой ночи только на пользу.

– У тебя рукавицы есть, Немой? – поинтересовался Чупав. Сам он натянул толстые мягкие варежки невообразимого размера, которые закрывали длинные руки кузнеца чуть ли не до локтей.

Я помотал головой.

Один из дружинников вытащил из-за пояса свои рукавицы и протянул мне.

– Давай одеяло возьмём! – предложил Чупав. – Не в руках же его тащить.

Одеяло пришлось просить у Потапыча. Старик поворчал, но выдал ту самую тряпку, на которой мы катали Божена на встречу с богами.

– Не переживай, Потапыч! – пообещал я. – Вернём в сохранности!

– Да на хер оно нужно, после мертвяка? Выбросьте. А лучше – сожгите к ипеням!

Глашка, воспользовавшись моментом, попыталась выскользнуть из избушки. Я придержал её за плечи, развернул и мягко отправил обратно.

– Посиди там!

Вчерашнюю ёлку мы с Чупавом отыскивали быстро. Ну, как мы? Отыскал Чупав. А я ломился за ним по лесу и тащил одеяло.

Чупав приподнял нижнюю ветку. Я инстинктивно втянул голову в плечи, ожидая холодного душа. Но обошлось несколькими каплями.

– А где кабан? – растерянно спросил Чупав.

Я заглянул под ёлку. Кабана не было. На рыжей прошлогодней хвое валялись несколько клочков шерсти и отломанная задняя нога.

Бля!

Я пожал плечами.

– Может, утащил кто-нибудь? Бывают же в лесу любители всякой дохлятины.

– Бывают, – согласился Чупав и стал внимательно рассматривать следы. – Гляди, Немой!

Я без особого интереса посмотрел на следы копыт.

– Ну?

– Хер согну! – Чупав пальцами мерил расстояние между следами. – Это не вчерашние следы. Вчерашние – вот. А это свежие. Видишь?

Что там видеть? Копыта как копыта.

Чупав ехидно смотрел на меня.

– Немой, ты же, вроде, деревенский парень.

– Ну, и чего? Трёхногих кабанов я в деревне не встречал!

Кузнец покачал головой и пошёл вдоль следа.

– Вот! Иди сюда!

В луже жидкой грязи отчётливо виднелся отпечаток звериного тела. Кое-где к грязи прилипла грубая бурая шерсть.

Тут даже я понял, что произошло. Кабан реально хромал на трёх ногах. Потом оставшаяся задняя нога увязла в грязи. Зверь завалился набок и долго скрёб копытами, пытаясь подняться. Наконец, встал и похромал дальше.

Охренеть!

Это получается – он ожил, что ли?

– Идём, Немой! – поторопил меня Чупав. – Надо Сытина предупредить.

Мы с Чулавом вернулись к костру как раз в тот момент, когда из шалаша вылез хмурый князь Всеволод. Сушёный дружинник мирно сидел возле костра. Живые топтались в углу поляны и переговаривались вполголоса.

– Бля! – сказал князь. – Как башка-то болит!

Он вытащил из ножен саблю и приложил холодный клинок ко лбу.

– Уф, хорошо! Что тут у вас?

Увидел обтянутый кожей череп и выпучил глаза.

– А это кто? Егорка, что ли? Чего его так высушило?

Князь прокашлялся и с подозрением уставился на Чулава.

– У меня тоже в горле пересохло! И во рту как козёл ночевал. Это не от твоего вина такая херня происходит?

– Егорка с нами не пил вчера! – подал голос один из дружинников.

– В смысле – не пил? – удивился князь. – Как это?

– Он с Ефимом поспорил, что до первого снега ни капли в рот не возьмёт.

– А на что спорили? – заинтересовался князь.

– На новые сапоги, – прогудел из толпы другой дружинник. Этот, судя по физиономии, пил вчера за двоих.

– Значит, поспорил ты, Ефим, сапоги! – деловито заключил князь. – Завтра отдать не забудь!

– Кому? – не понял дружинник. – Егорка-то того!

– Мне, – сказал князь. – Я ж вам вместо отца. Значит, и Егорке тоже. Вот, как отцу, мне сапоги и отдашь.

Князь обошёл вокруг невезучего дружинника.

– Вот какая херня от жадности приключается! – сделал он неожиданный вывод.

– Почему – от жадности? – спросил Сытин.

– Ну, как же, Василий Михалыч, – объяснил князь. – Егорка не пил? Вот и помер от жадности. А всё жадность! Сапоги на халяву получить хотел!

– Понятно, – хмыкнул Сытин и повернулся к нам с Чулавом. – Принесли кабана?

Мы дружно помотали головами.

– Сбежал кабан, – ответил Чулав. – Ожил и ушёл.

– О как! – удивился Сытин.

Задумчиво посмотрел на Егорку и добавил:

– А давайте-ка мы Егора в одеяло завернём. И верёвками потуже перевяжем, от греха подальше.

– Что за мара? – тихо спросил я Сытина.

Сытин нахмурился.

– Мара – это сказка, Немой. Только страшная.

– В смысле?

– В смысле, что я с такой хернёй впервые сталкиваюсь. Но старики рассказывают, что есть на свете такое существо – мара. Приходит, когда человек спит. Насыляет на него кошмары и потихоньку высасывает силы. Говорят, что мара может мучить человека годами, пока не сведёт в могилу. А тут – за одну ночь.

– Не за ночь, – поправил я Сытина, – за минуту. Мы с Глашкой видели.

– Бля, Немой! Ты видел, как это случилось? – заорал Сытин. – Я думал, ты только покойника нашёл. Вот как с тобой работать, если ты самое важное сказать забываешь?

Ну, как? Вот так и работать! У всех свои недостатки.

– Давай, рассказывай – что ты видел? – жадно спросил Сытин.

– Толком – ничего. Словно в воздух банку чернил опрокинули. Я костёр с трудом разглядывал. Потом потянуло холодом, и всё кончилось. Мы с Глашкой подошли к костру, а он уже готов.

Мы надёжно упаковали дружинника. Потапычу надоело слушать, как Божен с Глашкой колотят изнутри в дверь избышки, и он выпустил их на воздух.

Увидев труп, Божен сокрушённо покачал головой и забормотал себе под нос молитву.

– Потапыч, здесь телегу можно достать? – спросил Сытин. – Надо мертвяка Гиппократу Поликарпычу отвезти.

– Может, мышинным ходом, Василий Михалыч? – предложил Михей.

Сытин с сомнением покачал головой.

– На хер! Пока непонятно – откуда эта пакость появилась, лучше не рисковать. Прокорыряешь дыру в пространстве, а оттуда ещё какая херня вылезет.

– Нам тут лишней херни не надо! – строго подтвердил князь. – С вами бы разобраться.

Мы дружно посмотрели на князя.

– Да я не в том смысле! – смутился он. – Ну, надо же теперь законы там какие-нибудь писать новые о правах нечисти... и вообще. Дайте выпить лучше!

– Нету, – развёл руками Чупав. – Вчера всё выпили.

– А этот твой леший ещё принести не может? – спросил князь. – Я денег дам. Где моя казна?

– Погоди с выпивкой, княже, – остановил его Сытин. – Значит, план такой...

Договорить он не успел.

Небо над поляной мгновенно потемнело. Между ёлок заметался холодный, колючий ветер.

Со стороны реки раздался пронзительный женский крик.

Глава 5: Мара

Когда я подбежал к обрыву, Сытин и Потапыч уже были внизу.

Я всмотрелся и охренел.

Река быстро замерзала, покрывалась тонкой коркой льда. Метрах в десяти от берега, ломая лёд, слабо барахталась русалка. Её рыжие волосы сбились в спутанный обледеневший комок. Обломки льда вокруг русалки были измазаны кровью.

Над русалкой висело бесформенное облако черноты. Вот оно поднялось чуть выше. Русалка забилась сильнее. Она цеплялась тонкими пальцами за лёд и пыталась ползти к берегу.

Облако дрогнуло и опустилось вниз, закрывая голову русалки.

– Не надо! – пронзительно выкрикнула она, но сразу же умолкла. Широкий хвост задёргался из стороны в сторону.

Сытин выхватил шпагу и попытался ступить на лёд. Тонкая блестящая корка проломилась под ним, и он по колено рухнул в воду. Разбивая лёд, Сытин упрямо шагал к русалке, но получалось слишком медленно. Драгоценные секунды уходили.

Потапыч на бегу перекинулся в медведя и прыгнул, оттолкнувшись лапами от берега. Прыжком он опередил Сытина, но тоже застрял, беспорядочно молотя лапами по льду. Видно, река в этом месте была глубокой. Медведь не мог опереться ни на хрупкий лёд, ни на дно и лишь беспомощно барахтался.

Сытин уже двигался по груди в воде. Рывки русалки становились всё слабее. Вот тонкая рука ударила по льду и бессильно опустилась. Хвост дёрнулся и замер, изогнувшись в судороге. Рыжие волосы на моих глазах побелели.

Ипать, Немой! А ты-то какого хера смотришь?!

Я прыгнул с обрыва.

Давай, бля!

В голове звонко щёлкнуло. Я приземлился четырьмя лапами на покрытый инеем склон и снова оттолкнулся, словно смертоносная мохнатая пружина.

Охеренно быть лёгким и прыгучим котом!

Упрямо бредущий в ледяном крошеве Сытин оставлял после себя широкую полынью. Я одним прыжком перемахнул её и выскочил на нетронутый лёд. Проехал по нему жопой, тормозя выпущенными когтями. И прыгнул в третий раз.

Хер его знает, каким образом, но меч по-прежнему был со мной. Он словно стал частью моего кошачьего тела. И когда я в третий раз прыгнул прямо в чёрное облако, висевшее над русалкой – я не когтями его ударил, а полоснул Убийцей нечисти.

Облако вздрогнуло и отпрянуло. А потом отлепилось от русалки и попыталось обвиться вокруг меня.

Вот это ты зря, сука!

Я крутился, как бешеный, полосую когтями направо и налево. Зашипел, оскалился и хватанул бесплотную тьму острыми клыками.

Как будто болотной жижи плотнул! Из самого, блядь, гнилого и вонючего болота! Из такого болота, в котором даже кривые ёлки не растут!

Под ударами когтей облако дёргалось, распадалось на куски. Я буквально ощущал, что ему тоже больно.

И меня это охеренно радовало! А не хрен наших трогать, шпана потусторонняя! Я тебе покажу, чей здесь двор! Разыпу так, что мало не покажется!

Чёрное облако сгустилось. Из него вылепилось кривое подобие лица, искажённого гримасой ненависти.

Вполне себе человеческий хлебальник, между прочим. Только страшенький – жуть!
Ну-ка, бля!

Где я тебя видел?

Глаза под нависшими бровями вспыхнули. Ледяной взгляд проткнул меня, как оторвавшаяся от крыши сосулька протыкает темя неудачника.

В моём мозгу появился образ оскаленной рычащей собаки. Злобный дворовый пёс. Такой любого кота разорвёт. Огромные жёлтые клыки блестели, с них капала вязкая слюна.

Ипать, ты что – напугать меня хочешь?

Я почувствовал, как холодный чужой взгляд, недоумевая, шарится по самым дальним уголкам моей памяти. Роемся, старательно выискивая все глубоко спрятанные страхи.

Пёс озадаченно зарычал. Потом начал таять, меняться. И превратился в моего папашу.

Редкие русые волосы папаши прилипли к потному лбу. Глаза прищурены. Нижняя губа чуть отвисла. К ней приклеилась давно потухшая самокрутка с вальдиррским табаком. Крошки табака усыпали широкую грудь, обтянутую шерстяной рубашкой. Ворот расстёгнут, из него торчит плотная шея с выступающим кадыком.

Так папаша выглядел по субботам, когда возвращался из бара, накидавшись дешёвым пойлом. И принимался за моё воспитание.

– Эй, Макс! Ну-ка, иди сюда! Сколько раз я тебе говорил, что бойцовских сомов надо кормить два раза в день? Какого хера ты вчера вечером оставил их голодными? Опять шлялся с девками?

И ты думаешь напугать меня этим, чёрная муть?

Я отлично помню тот день. Папаша надрался в баре с такими же фермерами. А вернувшись домой, по своей привычке взялся за ремень. Вот только он спяну не сообразил, как мне это остописдило.

Ударом головы я расквасил папаше нос и губы, и уже через час шагал по трассе, лоя попутный грузовик до космопорта.

Папаша растаял в моём сознании. Надеюсь, что навсегда. Скучать по нему я точно не буду.

Вместо него появился кузнец Аким. Толстые красные губы кузнеца шевелились в зарослях чёрной бороды.

– Иди сюда, не бойся! Я помогу!

Охереть! Теперь это чёрное облако принялось за память Немого. Оно металось по моему сознанию, выискивая хоть что-то, что смогло бы меня напугать.

Так вот как ты действуешь, сука?! Через страх. Стоит жертве дать секундную слабину – и она в твоей власти, так? И ты тут же высасываешь из неё жизнь, как жирная паучиха? Ну, кто бы сомневался, бля!

А если я так сделаю?

Я вгляделся в мутное клубящееся марево. Давай, покажи свои слабые места!

Перед глазами быстро замельтешили беспорядочные картинки. Яркие, словно вспышки боли, они рождали страх, обиду, злость. Но мелькали слишком быстро, чтобы я мог их разглядеть. А ещё их было слишком много.

Ого, сколько дряни ты в себе накопила!

Облако стусилось, пытаясь защититься. Передо мной снова маячила рожа Акима.

Кстати! С какого это хера у Акима опять два глаза? Непорядок!

Я ударил когтями по правому глазу кузнеца и вырвал его из глазницы. Вот так!

Из пустой глазницы покатались чёрные капли.

Чёртово облако беззвучно взвыло от боли и ненависти. И принялось поспешно таять.

Куда, бля?!

Я вцепился в него передними лапами и ощутил в когтях тугую бьющуюся плоть. А затем мрак исчез. В небе вместо тусклого мутного комка снова светило летнее солнце.

В моих лапах бессильно трепыхалась здоровенная летучая мышь, величиной с крупную собаку. Огромные кожаные крылья вяло хлопали по льду. Под распоротым брюхом растекалась чёрная лужа.

Клыкастая звериная морда смотрела с такой ненавистью, что у меня шерсть на загривке встала дыбом.

Я ухватил мышь зубами за крыло и потащил к берегу. Тонкая перепонка порвалась под моими клыками. Я перехватил мышь за сустав.

Всё равно неудобно! И Сытину надо помочь с русалкой.

Перекидываемся, Немой!

В голове щёлкнуло. Я проломил тонкий тающий лёд и с головой ухнул в холодную воду.

Вынырнул, выплюнул воду. Одной рукой снова схватил дохлую мару за крыло, а другой сделал два поспешных гребка. Доплыл до качающейся на воде русалки и принялся вместе с Сытиным толкать её к берегу.

Лицо русалки было бледным и прозрачным как лёд. Под тонкой кожей рук проступали синеватые жилки. Рыжие волосы поседели и извивались в воде безжизненным пучком. По всему телу кровоточили порезы – русалка поранилась о лёд.

Потапыч в человеческом обличье стоял по колено в воде. За его спиной толпились рас-терянные дружинники с саблями.

Потапыч бережно подхватил русалку на руки, мигом взбежал вместе с ней на песчаный обрыв и скрылся в избушке.

Я выволок мару на берег и почувствовал, что меня колотит от холода.

– Божен! Д-дрова! Чупав! Костёр разожги!

Через десять минут костёр полыхал жарким пламенем. Мы с Сытиным скинули одежду и развесили её вокруг огня. От мокрых шмоток валил пар.

Божен плеснул в котелок вина, подогрел его на огне и разлил по кружкам.

– Пейте!

Стуча зубами о край кружки, я втянул в себя горячее вино. И почувствовал, как холод внутри отпускает, уходит.

Ну, бля!

Натянул запасные штаны и побрёл к избушке. Постучал в запертую дверь.

– Потапыч! Одежду давай, высушу!

Через минуту дверь открылась. Оттуда вылетел ком мокрой грязной одежды.

– Потапыч, как там...

Дверь снова захлопнулась.

Я пожал плечами, подобрал одежду и отнёс её к костру.

Божен налил ещё по кружке вина.

– Ну, рассказывай, Немой! – спросил Сытин, разглядывая скрюченную мару. – Ты что-то понял про эту тварь?

Понял-то понял. Как только объяснить, бля?

Я помолчал и сделал ещё глоток вина, собираясь с мыслями. Кружка приятно грела замёрзшие пальцы.

Вот такое, бля, интересное лето!

– Страшная она, как жизнь Ганса Леопольдыча. Я ей прямо внутрь заглянул.

– Ну, и как? – поинтересовался Сытин.

– Как будто вонючей грязи нажрался.

– Немой, я же тебе говорил, что питаться надо правильно, а мыслить – позитивно, – укоризненно сказал Мыш. – И медитировать почаще. Ты теперь князь. От тебя судьба государства зависит.

Ой, да ладно, бля!

– Значит, она через страх действует? – переспросил Сытин. – Эффективно, ничего не скажешь. Сам иногда так делаю.

Я искоса посмотрел на него. Представил, как Сытин превращается в чёрное облачко и витает над беззащитным кабаном.

– Хер ли ты ржёшь? – обиженно спросил Сытин.

Не выдержал и сам тоже заржал. Следом расхохотался Чулав. Даже Божен улыбнулся, нервно теребя крест.

– Кстати, Божен! – спросил его Сытин. – А ты чего в кустах отсиживался? Херакнул бы святой молитвой по этой погани!

– Я попробовал, но расстояние слишком большое, – виновато сказал священник. – А ближе подойти не успел.

– Хорошо хоть Немой вовремя сообразил котом обернуться! Немой, а как ты эту тварь так располосовать сумел? Она же, вроде как, бесплотная была?

– Мечом, – объяснил я. – Меч вместе со мной перекинулся и сработал. Только я не понял – как.

– Охереть! – удивился Сытин. – Вот умеешь ты устроиться, Немой! И княжество тебе, и меч волшебный. А всё сиротой прикидываешься

– Пожрать бы чего-нибудь!

Я устало потянулся.

– Чулав! У нас никакой еды с вечера не осталось?

Чулав нырнул в шалаш и загремел котелками.

– Крупа есть! Погоди, Немой – сейчас я каши наварю!

Под обрывом раздался громкий всплеск. На поляну одним махом выпрыгнула здоровенная буро-зелёная туша.

– Где она?! – завопила туша.

Бля, Хлюпень! На кой хер так пугать?

– Где она?! – опять спросил водяник.

– Прекрати орать! – строго сказал водянику Сытин. – Вон, Немой её спас. А Потапыч лечит.

– Немой! Спасибо!

Водяник обхватил меня перепончатыми лапищами и прижал к мокрой груди.

Э, бля! Я с лягухами не обнимаюсь!

– Отпусти Немого, Хлюпень! Лучше рыбы ему принеси – изголодался парень!

– Сейчас!

Хлюпень поставил меня на землю и прямо с обрыва шлёпнулся обратно в воду. Тут же вынырнул. В его лапах бился здоровенный серебристый голавль.

– Пойдёт?

Конечно, пойдёт! У меня аж мурашки по коже побежали от запаха свежей рыбы.

Перекидываемся, Немой!

Я мяукнул, шерсть на загривке вздыбилась от нетерпения.

– Держи, Немой! От души!

Я, урча, впился зубами в нежную рыбью мякоть.

Вот оно – счастье, бля!

Тут и Глашка подошла. Присела рядом и погладила по спине. Не отпуская рыбину, я потёрся ухом о Глашкину руку.

– Пушистый! – ласково сказала Глашка.

Дверь избушки скрипнула. На поляну вылез Потапыч.

Божен посмотрел на его хмурое лицо и зачерпнул кружку вина.

Потапыч долгим глотком выпил вино и обвёл нас усталым взглядом.

– А, Хлюпень, ты здесь? Хорошо!

– Как она, Потапыч? – нетерпеливо проквакал водяник.

– Херово.

– Жить будет?

Потапыч шумно выдохнул.

– Да не знаю я пока. Эта гадина её почти досуха выпила. Вот что, Хлюпень! Водоросли нужны на бинты. Те самые, помнишь?

– Сейчас принесу!

Водяник прыгнул к обрыву. Но Потапыч остановил его.

– погоди! Ещё рыбы достань. Какую она любит?

– Жереха! Я поймаю!

– Давай, Хлюпень!

Водяник с громким плеском нырнул с обрыва.

– Покажите мне эту хрень, – буркнул Потапыч.

Долго разглядывал дохлую мару, брезгливо переворачивая её носком лаптя.

– Что скажешь, Потапыч? – не выдержал Сытин.

– Не знаю я, что сказать, Васька! – вздохнул Потапыч. – Никогда с такой тварью не встречался. Видел, как она с Булькой разобралась? Мы с тобой и не успели ничего.

Ага, Значит, рыженькую русалку зовут Булька!

– Как думаешь – откуда она взялась? – не унимался Сытин.

– А я почём знаю? Везите эту погань в город к Гиппократу, там и разбирайтесь.

Глава 6: Засада

Божен неторопливо обошёл вокруг поляны, останавливаясь через каждые несколько шагов и шепча молитву. Сытин нетерпеливо наблюдал за ним. Возле шалаша на скорую руку перекусывали дружинники.

Болотник Василю прикатил откуда-то скрипучую телегу на кривых колёсах. В телеге перекатывался столитровый бочонок вина для князя. Чупав не забыл.

Увидев бочонок, князь Всеволод оживился.

– Может, ещё на денёк останемся, а? – предложил он Сытину. – Хорошо на природе – не то, что в городе! Птицы поют, воздух печным дымом не воняет.

– Мары летают, – в тон ему продолжил Сытин.

Князь обиженно замолчал.

– Не сердись, княже, – улыбнулся Сытин. – Тебя государственные дела ждут.

– Дела, – недовольно протянул князь Всеволод. – Пусть их Хвороба разгребает.

– Ты Старгород на Хворобу оставил? – обомлел Сытин.

– А на кого ещё? – удивился князь. – Ты же под арестом сидел.

Это прозвучало так, словно Сытин сам себя упрятал под арест.

– Слышь, Немой!

Мыш выбрался из-под крыльца и подёргал меня за штанину.

Я присел и подставил ему ладонь. Он тут же вскарабкался мне на плечо.

– Надо мою семью в город отправить, Немой! Опасно им тут оставаться.

– Так собирайтесь! Вот-вот поедем.

– Хочешь – можете у меня в саду поселиться, – предложил Мышу Михай.

– Спасибо, Михай! Мы подумаем, – кивнул Мыш.

Божен, вытирая потный лоб, подошёл к Сытину.

– Всё, я закончил. Какая-никакая, но божья защита. Должно помочь. Хорошо бы ещё намоленный крест посреди поляны поставить для надёжности.

– Потапыч тебе этот крест знаешь, куда засунет? Во-во! Не вытащишь потом. Перекладина застрянет.

Покойного Егорку и труп мары погрузили на телегу. Туда же положили старый валенок, который Потапыч отдал мышиному семейству под переезд.

Глашка наотрез отказалась садиться в телегу.

– Не хватало ещё с покойниками трястись! – сердито сказала она. – Верхом поеду.

– В сарафане? – удивлённо поднял брови Михай.

– А что? – задорно ответила Глашка. – Немой, у тебя запасные штаны есть?

Охренеть!

Я достал из мешка запасные штаны. Глашка зашла за телегу, натянула их. Сарафан заправила внутрь, а штанины закатала до колен.

– Ну, как?

У князя Всеволода даже челюсть отвисла.

– Дайте Глафире Фёдоровне коня! – живо распорядился он.

Это, бля, откуда он Глашкино отчество вызнал? Проныра, а не князь!

Дружинники запрыгнули в сёдла. Я тоже взгромоздился на коня.

– погоди, Немой! – остановил меня Сытин. – Дай Чупаву своё зеркальце. Пусть на связи будет – мало ли что!

Я вытащил из-за пазухи зеркальце и протянул Чупаву.

– Давай, кузнец! Увидимся!

– Значит, смотри, Немой! – рассуждал князь Всеволод, покачиваясь в седле. – Первым делом представим тебя боярам. Как вернёмся в Старгород – соберу думу. Ну, и своих бояр тебе надо завести. Будет, с кем посоветоваться, в случае чего. Да и выпить с ними можно. Кого думаешь взять? Только Сытина у меня не переманивай – всё равно не отдам!

Я ухмыльнулся. Это мы ещё поглядим!

Княжич молчал, думая о чём-то своём.

Мы втроём ехали впереди дружины. Остальные немного приотстали, чтобы не мешать разговору. Где-то совсем позади скрипела телега.

– Потом надо тебе строить терем, – продолжал князь. – Есть у меня участок в Старгороде – залюбуешься! Берег реки, от центра десять минут. Участок ровный, земля – чистый песчаник! Хотел себе дачу там построить. Но тебе уступлю.

– Спасибо, княже! – улыбнулся я.

– Глафире Фёдоровне там понравится! – рассуждал князь. – Свой пляж сделаешь для купания. Свой пирс с кораблями, опять же. Хочешь – торговлей занимайся, хочешь – в походы ходи. Или ты свой город строить будешь? Тоже хорошее место могу подсказать.

За поворотом поперёк дороги лежала громадная ель. Нижние ветки белели на свежих изломах, верхние топорщились в небо. Толстый ствол прятался далеко в высокой траве.

– С чего это её повалило? – удивился князь. – Вроде, и ветра сильного не было.

Он привстал на стременах, поворачиваясь к дружине.

– Ребята, ну-ка – уберите дерево с дороги!

Краем глаза я заметил движение в кроне высокой сосны, которая росла метрах в сорока от дороги.

Я, не раздумывая, сильно толкнул князя в плечо. Князь повалился на землю.

В воздухе тонко свистнуло. Стрела глубоко вошла в шею княжеского коня. Рыжий заржал от боли, колотя в воздухе копытами.

Вторая стрела просвистела у меня над ухом. А третья ударила в плечо княжича и выбила его из седла.

Позади сухо щёлкнула тетива. Тяжёлое тело повалилось вниз, ломая сосновые ветки, и шлёпнулось на землю.

Дружинники соскочили с коней, выцеливая врагов в лесной чаще. Но выстрелов больше не было.

Князь Всеволод вскочил на ноги и бросился к сыну.

– Мишка!

Я обернулся и встретился взглядом с Джанибеком. Он уже наложил на тетиву новую стрелу.

Сытин подскакал к нам, спрыгнул с коня и склонился над княжичем.

– Жив! Мякоть пробил! Терпи, княжич!

Одним движением Сытин обломил хвостовик стрелы с оперением. И выдернул обломок с наконечником из раны.

Княжич застонал, глаза его закатились.

Сытин выпрямился и замахал рукой:

– Телегу сюда!

И тут же скомандовал дружинникам:

– Рубите ёлку, освобождайте дорогу! Прощка! Перевяжи княжича! Немой, Джанибек, Михай – за мной!

И побежал к дереву, откуда стреляли.

Мягко ступая по длинному белому мху, мы подошли к сосне. Поперёк ствола были приколочены короткие обрубки сучьев. Лестница, что ли?

Я задрал голову и увидел высоко в ветках помост из жердей.

– Вот там он и сидел! – показал Джанибек.

Сам стрелок валялся на спине в густой поросли лесной малины. Наголо бритая голова, худое лицо, крючковатый ястребиный нос и совершенно седая борода. Костлявые руки с сильными ладонями далеко торчали из широких рукавов рубахи. На рубахе проступали красные пятна от раздавленных ягод.

Бля, да ему лет семьдесят, не меньше! А он по соснам лазает и в людей шмалает!

Стрела Джанибека попала старику прямо в переносицу, как раз между густых седых бровей.

– А ведь я его, кажись, знаю, – сказал Сытин, наклонившись над стариком.

– Это Аксюта, бывший княжеский конюх, – подтвердил Джанибек, улыбаясь уголком рта.

Видать, был доволен хорошим выстрелом.

– Лет десять назад он со службы ушёл и открыл лавку на городском рынке, – кивнул Михай. – Торговал упряжью.

– Зачем бывшему княжескому конюху нападать на княжескую дружину? – выпрямившись, спросил Сытин. – Да ещё и в одиночку.

Мы дружно пожали плечами.

В карманах стрелка нашлось зеркальце в простой деревянной оправе, две золотые монеты и деревянная банка с плотно закрытой крышкой.

Я машинально сорвал с куста уцелевшую ягоду малины и кинул её в рот. Раздавил языком, ощущая, как по нёбу разливается душистая сладость. И стал собирать ягоды в горсть.

Глашку угощу!

Джанибек поставил ногу в мягком сапоге на лоб покойника и с усилием вырвал стрелу. Вытер её о траву и спрятал в колчан.

– А где его оружие? – задумчиво поинтересовался Сытин.

Мы принялись искать.

Лук висел на сосне – зацепился тетивой за обломанную ветку. Джанибек полез за ним.

– Колчан тоже здесь! – крикнул он сверху. – На помосте лежит!

– Спускай его вниз! – ответил Сытин. – Только стрелы не трогай!

Джанибек ловко слез с сосны, подал Сытину кожаный колчан.

– Ты где так лазить научился? – спросил его Сытин. – У вас в степи леса ведь нет.

Джанибек довольно улыбнулся.

Сытин вытащил из колчана стрелу. Понюхал зазубренный железный наконечник.

– Ну-ка, Немой! Понюхай – чем пахнет?

Я втянул носом воздух.

Непонятно. Всё перебивал сладкий запах малины.

– Давай, ягоды поддержи! – сказал Михай.

Я осторожно, чтобы не помялись, высыпал переспелые ягоды в его широкую ладонь.

Перекидываемся, Немой!

В голове звонко щёлкнуло.

Сытин опустил стрелу к моему носу.

Бля, да не надо прямо в морду тыкать! Я и так чую!

Запах плохо кованого железа смешивался с запахом смерти и болота. Наконечник был густо смазан ядом из какого-то болотного растения.

Я отошёл в сторону и чихнул.

– Понятно, – хмыкнул Сытин.

Я встал на задние лапы и перекинулся обратно.
Джанибек уважительно прищёлкнул языком.
– Шайтан! Прямо как Потапыч!

Сытин убрал стрелу обратно в колчан. Отдал колчан Джанибеку:
– Подержи!
И скинул кафтан.
– Давай-ка, Немой, мы с тобой сами наверх слазаем!
Тут я не выдержал.
– Бля, Михалыч! Я бы котом быстрее залез!
Но Сытин уже поднимался наверх.
Может, на хер его послать? Так любопытство же загрызёт. Что он там увидеть хочет?
Я вздохнул и начал карабкаться следом.
Сучья скрипели под подошвами сапог. Один раз нога соскользнула с гладкого сучка, и я чуть не наипнулся.

Тоже мне, кот!

Сытин добрался до хлипкого помоста и уселся на нём, скрестив ноги по-турецки.

Я не стал усаживаться на жерди. Просто встал понадёжнее и ухватился руками за толстые сосновые ветки.

– Смотри! – Сытин показал мне на дороге, откуда доносился звонкий стук топоров. Дружинники рубили упавшее дерево, чтобы освободить проезд.

– Видишь князя?

– Вижу, конечно.

– А княжича?

– Ну, вижу.

Сытин тяжело вздохнул.

– А если бы ты не знал, кто князь, а кто княжич – смог бы различить их отсюда?

Да хер его знает.

– Вот именно! – кивнул Сытин. – Ну, полезли вниз. Надо ещё упавшее дерево осмотреть, пока они его не раздербанили.

Мы спустились вниз. Михей отдал мне аккуратно свёрнутый берестяной кулёк с ягодами. Ягод заметно прибавилось.

Перешагивая через бурелом, мы добрались до упавшей сосны.

Толстое дерево, как мы и ожидали, было подрублено. Из мха торчал разлохмаченный пенёк. Топор валялся рядом.

Ствол дерева вздрагивал и звенел – дружинники рубили его на части, чтобы убрать с дороги.

Джанибек подобрал топор, осмотрел лезвие и снова поцокал языком.

– Хороший топор. Почему он его бросил?

– Потому что не собирался возвращаться.

Сытин внимательно осмотрел пенёк.

– Один он был. Странная херня. Ладно, идёмте! Надо княжича скорее к Гиппократу Поликарпычу отвезти. Если успеем.

Сытин резко остановился, посмотрел на нас.

– И вот что! Князю пока про яд ничего не говорите. Потеряет голову – только хуже будет. Тут уж одно из двух – или доведём княжича живым до Старгорода, или нет.

Мы вернулись на дорогу. Дружинники уже разрубили упавшее дерево и теперь оттащивали обрубки в сторону.

Сытин подозвал двоих.

– Там в малине дед валяется. Погрузите его тоже в телегу.

Дружинники послушно убежали.

Князь потемневшими глазами смотрел на Сытина.

– Они Мишку убить хотели! Моего сына! – повторял он. – Василий Михалыч, найди их! Из-под земли достань!

– Найду, княже! – кивнул Сытин. – Только не факт, что Аксюта стрелял в Мишку. Мог и в тебя целиться. Или в Немого.

Я вспомнил свистнувшую над ухом стрелу, но промолчал.

Рыжий княжеский конь лежал на боку, странно вытянув ноги. Его глаза уже остекленели.

– Сильный яд, – негромко сказал мне Сытин и озабоченно взглянул на княжича, которого грузили в телегу. Княжич негромко стонал. Он по-прежнему был без сознания. Но, в отличие от коня, вполне себе жив.

– По коням! – крикнул князь Всеволод и первым вскочил в седло. – До темноты мы должны быть в Старгороде!

Глава 7: Возвращение в Старгород

Гнать лошадей не имело смысла – нас всё равно тормозила телега.

Я ехал и крутил в голове картинку с места нападения. Одинокий дед, кряхтя, валит поперёк дороги толстую сосну. Бросает хороший топор. Потом лезет с луком и отравленными стрелами на помост и сидит там, дожидаясь, пока по дороге поедет дружина.

Даже мне понятно, что это не нападение, а попытка убийства. Только вот кого? Князя, княжича или меня?

Бля, ну что за криворукий дед! Сначала подстрелил княжеского коня, потом чуть не засандалил стрелу в меня и напоследок херакнул в плечо княжичу. Нет бы всадить все три стрелы в нужную цель! И не надо было бы сейчас гадать, кто из нас троих так сильно его обидел.

Ипать, Немой! А если бы он в тебя все три стрелы засадил? Ну, вот. Думай, и не крякай. Но чувство досады на деда не проходило.

Так, ладно.

С хера ли дед вообще решил кого-то из нас убить?

Лично я видел его впервые в жизни. И нагадить ему ничем не успел.

Князь тоже не при виде стрелка не процедил что-то вроде: «А, это тот старый хрен, которого я в прошлом году велел выпороть».

Княжич, насколько я его знал, вполне мог пнуть любимую собачку деда или побаловаться с его внучкой. Но у княжича сейчас ничего не спросишь.

Хотя две золотые монеты в кармане стрелка подсказывали мне, что его просто наняли.

Это, кстати, отдельный вопрос – на кой хер нанимать человека, который не может попасть в цель? Лучше заплатить кому-то, вроде Джанибека. Хотя Джанибек не полез бы на сосну, рискуя получить стрелу в ответ.

Ладно, Немой! Мыслим дальше.

А как дед узнал, что мы вообще здесь поедем? Мы свободно могли на неделю задержаться у Потапыча. Или выбрать другую дорогу. И сидел бы он тут до снега.

Я сознательно отбросил мысль, что засады могли быть и на других дорогах. А стрелки запросто могли сидеть посменно, и дед был всего лишь одним из них.

Допустим, дед был один. И ёлку он срубил только после того, как мы выехали. Об этом говорила свежая смола на срубе и зелёная, не успевшая потемнеть хвоя.

Тогда... Тогда деда кто-то предупредил!

А кто?

Я поторопил коня, который совсем уже еле плёлся, и принялся упрямо вспоминать, чем вчера и сегодня занимались княжеские дружинники. Кто из них куда отлучался.

Трое ходили за водой.

У одного крутило живот от халявной выпивки, и он постоянно бегал в кусты. Всю опушку Потапычу загадил!

Кто-то оставался один в шалаше.

А потом я ушёл гулять с Глашкой и вообще ничего не видел.

Нет, так хрен, кого вычислишь!

Надо зайти с другого конца. Как дружинник мог предупредить стрелка? Надолго с поляны никто не отлучался. Значит, только через зеркальце.

Ага! Это уже зацепка.

Я поравнялся с рыжебородым плечистым дружинником. Он свободно сидел в седле, одной рукой небрежно правил лошадь, а в другой руке держал большой ржаной сухарь, от

которого понемногу откусывал. Крошки падали в его широкую бороду, и дружинник стряхивал их.

Увидев меня, дружинник приосанился и уважительно кивнул. Но князем называть не стал, покосившись на Всеволода.

Дипломат, бля!

Я широко улыбнулся.

– Дружище, зеркальце есть? Мне срочно позвонить надо по государственному вопросу. А моё разбилось, как нарочно.

– Конечно! – хриплым басом ответил рыжебородый. – Держи!

И достал из кармана зеркальце. Такое же, как у меня. Только оправа не серебряная, а стальная.

Оп-па!

С первого заброса – и такая рыбина! Теперь главное – не испугать его. Мужик он упёртый, сразу видно. Если что-нибудь заподозрит – его и Сытин хрен расколлет.

Я взял зеркальце. А кому звонить-то, бля? Все мои абоненты здесь, рядом едут.

Ладно, вызову Чупава. У него хоть зеркальце точно есть.

Я провёл пальцем по стеклу. В зеркальце появилась потная физиономия кузнеца. По низкому покатоному лбу стекала струйка пота.

– Немой? – тяжело дыша, спросил Чулав. – Чего тебе? Что-то срочное?

– Да нет. Просто решил проверить – как вы там.

– Нормально, – пропыхтел Чулав.

– А ты чем занимаешься? Почему лицо красное?

– Бля, Немой! Наковальню я тащу! Ещё вопросы есть?

Охренеть! А как же он на звонок ответил?

Спрашивать Чулава об этом я не стал. Ещё прибудет при встрече.

– Ладно, не отвлекаю. Осторожнее там – наковальню на ногу не урони!

– Иди на хер, Немой! – попрощался Чулав и отключился.

Я повертел зеркальце в руках и увидел на его обороте тиснёную цифру «четыре».

Возвращая зеркальце, я спросил у дружинника:

– Что за цифра на обороте?

– Номер зеркальца, – удивлённо ответил дружинник. – Оно же княжеское. Нам их под роспись выдают на задание. Не сдашь после – из жалованья вычитают стоимость зеркальца. А цена кусается!

– И у каждого дружинника такое зеркальце есть?

– Конечно! Как без связи воевать? Не древняя эра на дворе. Прогресс!

Вот так. Гавкнулось твоё следствие, Немой, не успев начаться!

К вечеру мы въехали в Старгород. Княжич всё ещё был жив – лежал в телеге задницей кверху и молчал. Только глаза шныряли по сторонам.

Стражники на воротах встретили нас неприветливо. Когда мы поравнялись со старшим, он не выдержал и спросил:

– Джанибек! Ты зачем Захара застрелил?

Какого Захара, бля?

Я с трудом вспомнил, что когда мы уезжали из Старгорода, за нами гнались. И там действительно был какой-то дружинник или стражник по имени Захар. Но с тех пор случилось столько событий, что это происшествие казалось чуть ли не прошлогодним.

Но это мне так казалось. А стражники, целыми днями скучавшие у ворот, помнили всё просто отлично.

Джанибек, чуть прищутив глаза, спокойно посмотрел сверху вниз на стражника.

– А зачем Захар за нами гнался? На кой хер подставлялся под стрелу?

– Он гнался по приказу князя! – повысил голос старший стражник. – А ты по чьему приказу его убил?

Князь Всеволод услышал стражника и растерянно обернулся.

– И я по приказу князя, – ответил Джанибек.

– Какого князя? – не унимался стражник.

– По приказу князя Добрыни Немого. Сына Ивана Свирепого. Помнишь такого, или память отшибло?

Джанибек кивком головы показал на меня.

Спасибо, бля!

Стражник повернулся ко мне.

– Всеблагие боги!

И так и остался стоять с распахнутым ртом.

Княжича вместе с трупами сдали Гиппократу Поликарпычу. Ему же Сытин передал колчан с отравленными стрелами и деревянную баночку.

– Сделай анализ, Поликарпыч! – попросил он. – И про княжича – держи меня в курсе.

– Ладно! – кивнул сухонький доктор и нацепил на нос круглые очки.

Затем открыл банку и осторожно понюхал. Брови его поползли на лоб.

– Здесь, Вася, и анализ не нужен. Это «сорочий глаз».

– Ты уверен, Поликарпыч?

– Что за «сорочий глаз»? – спросил я.

– Болотная ягода, – ответил Сытин. – Чёрная с белой точкой. Если случайно съешь пару штук – ничего страшного. Но если сок этих ягод попадёт в кровь... Ну, ты видел, как издох княжеский конь.

– А противоядие? – растерянно спросил я.

– Есть, – кивнул Гиппократ Поликарпыч. – Но оно само по себе ядовито.

Охереть!

Это что получается? Сперва княжича одним ядом травили. Потом решили отравить другим, а яды нейтрализовали друг друга?

Бля! Это как же надо насолить людям, чтобы они так активно принялись тебя убивать?

Сытин как будто прочитал мои мысли.

– Может, дед стрелу забыл ядом смазать? – сказал он и пожал плечами.

– Ну, куда вы его понесли?! – закричал Гиппократ Поликарпыч дружинникам, которые втаскивали в его каморку тело стрелка. – Людей – в ледник пока. А эту, с крыльями – мне на стол!

Князь Всеволод подъехал ко мне.

– Видишь, как оно, Немой! – сказал он жалобно. И замолчал.

Я сочувственно кивнул.

– Ты не уезжай пока из Старгорода, – попросил князь. – Если Мишка доживёт... Ладно! Завтра я соберу думу. Покажем тебя боярам.

Я подумал и кивнул князю.

– Хорошо!

Ко мне подъехал Прошка.

– Куда нам теперь, княже?

– По домам, – ответил я. – Пока отдыхайте. Понадобитесь – вызову. У тебя зеркальце есть?

– Само собой, – удивился Прошка. – Вот!

На Прошкином зеркальце стояла цифра «семь».

Заспанный княжеский конюх принял у нас лошадей. Он что-то ворчал себе под нос и угрюмо на нас поглядывал. Конюха можно было понять – спал себе спокойно человек на рабочем месте. Вдруг прискакали, разбудили. А ему теперь коней чистить, поить, кормить. И на хер не пошлешь.

Мы пешком вышли из ворот терема. Сытин задумчиво насвистывал. Глашка так и шлёпала в моих штанах. Михей нёс подмышкой валенок с мышиным семейством.

За воротами Сытин остановился и снова вытащил из кармана зеркальце.

– Чулав! Как там у вас? Всё в порядке? А чего запыхался? Куёшь? Ну, куй, куй, не отвлекайся!

Сытин убрал зеркальце и удивлённо хмыкнул.

– Охереть! Чулав уже кузницу на поляне устроил. Нечисть – и та полезным трудом занята. Одни мы без толку по буеракам скачем.

– Мне надо заглянуть в церковь, – сказал Божен.

– Смотри, осторожнее, святоша! – ухмыльнулся я. – Перуна сильно не дразни.

– Не бойся, Немой! Херни не сделаю! Захочешь помолиться – заходи в гости, – в тон мне ответил Божен.

Мы расхохотались.

Сытин удивлённо смотрел то на Божена, то на меня.

Священник, всё ещё прихрамывая, свалил в боковую улочку, ведущую к церкви.

Мыш высунулся из валенка и виновато посмотрел на Михея.

– Извини, Михей! Но мы с семьёй к Михалычу поедем. Там дед Миша и баба Дуня. Они ко мне, как к родному, привязались. Не могу же я их без внуков оставить, сам понимаешь. А к тебе мы в гости будем ездить – как на дачу. Договорились?

Михей добродушно кивнул и передал валенок с мышами мне.

Жёсткий войлок уколол пальцы.

– Глаш, ну а ты? – спросил я. – С нами, или...

Глашка посмотрела на меня. Поджала губы, но не выдержала и улыбнулась.

– Умеешь ты уговаривать!

– Вот что, Немой! – строго сказал Сытин. – Так ни хера не пойдёт! У меня в доме не протолкнуться уже! Ты теперь князь. Построй себе дворец, и хоть всё княжество в него пересели! А я после работы хочу отдыхать.

Я недоумённо посмотрел на Сытина.

Чо ты взбеленился-то?

– Дядя Вася шутит! – рассмеялась Глашка. – Правда, дядя Вася?

Сытин злорадно заржал.

– Михей, ну и чего ты один домой попрёшься? Идём с нами!

Мы подошли к воротам. Сытин постучал, но никто не отозвался.

– Странно! – удивился Сытин. – Куда дед подевался?

Он постучал ещё раз, с тем же результатом.

– Немой! – нетерпеливо сказал Сытин. – Перелезь через ворота и отодвинь засов. А то мы тут до утра куковать будем.

Я перемахнул через забор, с трудом отодвинул разбухший в пазах деревянный засов и приоткрыл ворота.

– Проходите!

Когда все вошли во двор, я закрыл ворота и аккуратно задвинул засов.

Сделал шаг в сторону дома и почувствовал, как меня мягко сковала какая-то невидимая сила. Я не мог пошевелить даже пальцем.

Рядом испуганно пискнула Глашка.

Словно чья-то рука приподняла меня за шиворот. Я повис в воздухе.

Глава 8: Шейлуньский золотарь

Я дёрнулся из невидимых тисков.

Хрен там! Только валенок с мышами чуть из рук не выронил.

Слева от меня висел в воздухе Михей. Он не шевелился. На лице Михея застыло выражение детского удивления.

Рядом с ним изо всех сил барахтался Сытин. Впрочем, сил у Михалыча хватало только на то, что бы хмурить брови и шевелить пальцами рук.

Глашку я не видел – меня развернуло к ней спиной.

Что же за блядский колдун нас подловил, если даже Сытин не может с ним справиться? И что он сделал с бабой Дуней и дедом Мишей?

– Мыш! – шёпотом позвал я. – Мыш!

Из войлочного голенища высунулась мордочка Мыша.

– Шевелиться можешь?

– Могу, – ответил Мыш. – А что с тобой?

– Не знаю я! Паралич какой-то!

– Ты на земле спал? – озабоченно спросил Мыш. – Может, мышцы застудил? Я застудил однажды – так три дня пошевелиться не мог. Спать всегда надо в кровати, Немой. На спине, или на правом боку. И кровать лучше ставить головой к северу – по направлению магнитного поля.

– Мыш, бля! – невежливо перебил я его. – При чём тут поле? Это колдовство. Кто-то нас поймал.

Мыш покрутил головой и увидел висящего в воздухе Сытина и Глашку с Михеем.

– Сгоняй в дом на разведку, Мыш! Только осторожнее! Посмотри – кто там засел. И выясни – что со стариками.

– Сейчас! Жену предупрежу только.

Мыш на мгновение скрылся внутри валенка. Сразу же выскочил обратно, спустился по моей штанине на землю и побежал в сторону дома.

Я проводил его взглядом и снова попробовал вырваться.

Хренушки! Максимум, что я смог сделать – это чуть повернуть голову, чтобы краем глаза увидеть Глашку. Ну, и то хорошо.

Мыш прошмыгнул в приоткрытое подвальное окно и скрылся внутри дома. Сытин увидел это и показал мне большой палец.

– Что будем делать, Михалыч? – спросил я его.

Сытин поднял брови.

– Пока – ничего. Ждём удобного момента и берём гада за шкуру.

Охеренный план, чо!

Но пока за шкуру держали нас.

Я почувствовал, как меня плавно разворачивают лицом к саду. Затем яблони медленно двинулись мне навстречу.

Э, бля! Куда вы меня тащите?

Внутри валенка послышалась беспокойная возня. Я скосил глаза и встретился взглядом с женой Мыша.

Пля! Хер знает, куда меня волокут. Но вряд ли там ждёт что-то хорошее. Значит, надо постараться хоть мышиную семью спасти.

Разжать руки и просто выпустить валенок я не мог – до земли было далеко. Зашибутся зверьки.

Проплывая мимо толстого чурбака для колки дров, я взял и зацепился за него носками сапог.

Движение прекратилось. А потом меня стало медленно наклонять лицом к земле.

Ага, бля! Чего-то такого я и ожидал.

Невидимая рука тащила меня за шиворот, я цеплялся носками сапог. В результате этого я вытянулся почти параллельно земле и разжал руки.

Валенок с мышами мягко плюхнулся в траву.

Почти сразу носки сапог сорвались, и я закувыркался в воздухе. А потом поволокся дальше.

Стена дома осталась позади слева. Меня тащило в сторону забора, который огораживал сад Сытина.

Именно в этом углу сада, возле самого забора находилась большая компостная яма. В яму сгребали скошенную траву, бросали обрезанные ветки и сливали помои.

Вот к этой яме нас и тащило. Я уже чувствовал сладковатый запах перепревшей гнили.

Ну, вот на хера такие шутки?

Движение прекратилось. Невидимая рука отпустила мой воротник, и я шлёпнулся на траву рядом с компостной ямой. Тут же вскочил на ноги и привычным движением потянул из-за спины меч.

Рядом замер Сытин. В его левой ладони ослепительно горел крохотный зелёный огонёк.

– Что, обгадились? – спросил из пустоты довольный голос Сытинского прадеда. – А не хрен через заборы лазить!

– Дед, бля! – выговаривал прадеду Сытин. – Сколько раз я тебе предлагал нормальные охранные чары на дом наложить? Ты ни в какую. А тут, пожалуйста – сам какую-то херню наворотил. Засунуть врагов в компостную яму – охереть, как смешно! А главное – эффективно! Ну, изваляются они в говне. А потом вылезут – и что ты дальше делать будешь?

– Вылезут? – с усмешкой спросил голос прадеда. – Ну-ка, гляди!

Из кухни сам собой приплыл по воздуху здоровенный кусок мяса и шлёпнулся в яму.

– Смотрите!

Гнилая трава в яме зашевелилась. Из неё высунулась круглая воронка, усеянная по кругу острыми изогнутыми зубами.

Клац!

Мяса как ни бывало.

– Кто это, блядь?! – вытаращив глаза, спросил Сытин.

– Что, Васька, не узнал? – усмехнулся прадед. – Не один ты спец по колдовству! Это шейлуньский королевский золотарь. Вырастает до четырёх метров. Жрёт всё, что угодно. И к хозяину привязан, как собачонка. Я в Китае таких видел. Там их даже во дворце держат.

Глаза Сытина вытаращились ещё больше.

– А где ты его взял?

– Сам в сад заполз откуда-то. Я и прикормил. Ему в яме нравится – от гнили тепло идёт. Не хуже, чем в Китае.

– И что, он на одних помоях так растёт?

– Ну, – дед Миша замялся, – в Китае ему ещё преступников скармливают.

– Бля! – заорал Сытин. – Дед, а если он выползет?! А если плодиться начнёт? Во что город превратится?

– Так он уже... – начал прадед и замолчал.

– Что «уже»?!

Я осторожно заглянул в яму. Мусор в ней еле заметно шевелился. Я разглядел мелькнувшее между овощных очистков длинное гибкое тело.

– Ипать! – схватился за голову Сытин.

Он выхватил из-за пазухи зеркальце.

– Гиппократ Поликарпыч! Срочное дело! Да погоди ты с покойниками! У тебя отравы от червей есть? Не от обычных – от китайских!

– Не возьмёт его отравы, – спокойно сказал прадед. – Говорю же – ест всё.

– Погоди, дед Миша, не перебивай! – цыкнул на него Сытин. – Как ты говоришь, он называется?

– Шейлуньский королевский золотарь.

– Во! Слышал, Поликарпыч! Не знаешь такого? Дед, а другое название у червя есть?

– Ну... шейлуньский копрофаг.

– Как?

Сытин заржал.

– Слышал, Поликарпыч? Шейлуньский говноед! Вот такую дрянь мой прадед завёл. Чем её уморить можно? В смысле – ничем?

– Я же говорил! – грустно, но твёрдо повторил прадед.

Сытин с досадой сунул зеркальце за пазуху.

– Ну, дед Миша – удружил, бля!

– Васька, не ругайся на старших! Сколько тебе повторять? – обиделся прадед.

– Может, я попробую, Василий Михалыч? – неожиданно предложил Михей.

Сытин уставился на него.

– А попробуй! Чем чёрт не шутит!

Михей присел на корточки у края ямы и уставился вниз.

Я, конечно, уставился на Михея. Интересно же – как он королевского говноеда дрессировать будет!

Михей, полузакрыв глаза, тихонько завёл заунывную тягучую песню. Слов у песни не было. Только мелодия, похожая на протяжный жалобный стон. В такт этому стону Михей еле заметно раскачивался. В его движениях было что-то завораживающее.

Я тряхнул головой и открыл глаза пошире.

Мусор на дне ямы зашевелился. Из него показалась гибкая труба серо-земляного цвета. Толщиной она была почти с человека.

Хера себе, червяк!

Ни глаз, ни ноздрей у червяка не было. Только круглая зубастая пасть на конце туловища.

Червяк поднялся над краем ямы и потянулся пастью прямо к лицу Михея.

Я на всякий случай взялся за рукоять меча.

А Михей и глазом не моргнул. Он, не мигая смотрел на червя и продолжал монотонно раскачиваться.

Червяк то ли обнюхал, то ли ощупал Михея – хер его знает. Немного покачался с ним в такт. А потом повернул своё круглое хлебало в мою сторону.

Э, бля! Ты что задумал?

Я быстро шагнул назад.

– Стой, Немой! – негромко сказал Михей. – Дай ему тебя запомнить.

Я чуть ли не силой заставил себя стоять спокойно. Круглая зубастая пасть дотянулась до меня. Поинтересовалась сапогами. Потом поднялась выше. И целую минуту, не меньше, раскачивалась в сантиметре от моего лица.

Выдержку, что ли проверяет, гад?!

От червяка слабо пахло земляникой.

Затем червяк обнюхал Сытина и потянулся к Глашке.

– Какой хорошенький! – сказала Глашка и пощекотала червяку шею. Ну, в общем часть туловища неподалёку от пасти.

Червяк потёрся о Глашкину руку.

– Кот у меня есть, – задумчиво сказал Сытин. – Мыш тоже. Теперь червяк завёлся. Это, блядь, не дом, а зоопарк! Жаль, медведь не приехал – был бы цирк.

– Хватит ворчать, Васька! – перебил его обрадованный прадед. – Пошли в дом. Бабка такой пирог испекла! С крыжовником! И расстегай с рыбой!

– Вообще, дед, ты – молодец! – похвалил Сытин. – Когда магию-то успел освоить?

– Когда тебя повязали, я сразу понял, что рано или поздно за нами с бабкой тоже придут. Ну, и засел за учебники. Чтобы бабку защитить.

– У тебя же таланта к колдовству отродясь не было.

– Я всю жизнь упрямством беру! – похвастал прадед. – Упрямством, Васька, таких высот можно достичь – ни один талант не угонится!

– Ну-ну, – хмыкнул Сытин.

– Хер загну! – отрезал прадед. – Я бабку, знаешь, сколько добивался? Отец её ни в какую не соглашался Дуньку за меня отдавать. Так я её подкараулил и украл! Тесть погоню за нами выслал. Только пока догнали – у нас уже второй сын родился!

– Хорош хвастать, дед! – перебил его Сытин. – Михей! Ты о чём с червяком-то договорился?

– Договорились, что за забор они выползать не будут, чтобы людей не пугать, – ответил Михей. – А вдоль забора прокопают ходы и будут периметр охранять. Если кто без спроса зайвится – это их законная добыча.

– С ума сошёл?! – схватился за голову Сытин. – А если князь приедет?

– А нечего шастать без приглашения! – сурово заявил прадед. – Я табличку на ворота повешу. «Осторожно – здесь жрут заживо и титул не спрашивают!»

– Эй, спорщики! – раздался из окна голос бабы Дуни. – Вы есть-то идёте? Пирог остывает!

Бля, а ведь мы с самого утра ничего не жрали! Пустой желудок немедленно напомнил о себе громким недовольным урчанием.

– Идём, баб Дунь! – крикнул я.

В самом деле! Пусть Сытин с дедом хоть до утра спорят. А нормальным людям давно пора пожарь!

– Немой! – удивился прадед. – Ты заговорил, что ли?

– Это ему мой метод помог! – похвастал неизвестно откуда взявшийся Мыш. – Мелкую моторику развивал – и вот вам результат!

Мыш оглянулся по сторонам и уставился на меня.

– А где моя семья, Немой?!

Пля!

Я крутанулся на пятках и побежал искать валенок с мышиным семейством.

Проворочавшись полночи без сна, я окончательно убедился, что моё расследование зашло в тупик.

Всё это время я ломал голову над одним охеренно важным вопросом.

Ну, бля, не всё время, конечно!

Сначала мы долго ужинали. Сожрали огромный пирог с рыбой. Потом огромный пирог с крыжовником. Тем, кто не наелся, баба Дуня налила по миске щей.

Потом Сытин связался с Чупавом и узнал, что у них с Потапычем всё в порядке. Рыженькая русалка почти пришла в себя и лопала рыбу за троих. Мары больше не появлялись.

Чупав оборудовал под навесом кузницу и обнаружил, что речная вода охеренно подходит для закалки клинков.

Потом мне надоело слушать, как Сытин препирается с прадедом. Я зевнул и незаметно дёрнул Глашку за рукав. Мы вылезли из-за стола и тихо свалили.

Ещё через пару часов довольная Глашка крепко заснула. А я ворочался с боку на бок и пытался найти ответ на вопрос:

На кой хер кому-то понадобилось убивать княжича?

В башке всплыла фраза из книжки, которую я прочитал давным-давно, ещё в прошлой жизни:

«Ищи, кому это выгодно».

Я поискал. И понял, что главную выгоду от смерти княжича получаю я.

Охереть! Получается, надо было его ещё в змеиной деревне пристукнуть!

Но я точно знал, что не посылал на дерево полуслепого деда и не просил его стрелять в княжича отравленными стрелами.

А кто тогда?

Я поднялся с кровати, подошёл к окну. И увидел, как в рассветном сумраке над забором медленно скользит бесформенное облачко густого мрака.

Глава 9: Княжеские хлопоты

Когда я проснулся, в окно ярко светило утреннее солнце. В ветках яблони за окном вовсю заливалась какая-то пичуга. Она мелодично распевала, талантливо изображая колокольчик. Потом принималась быстро цокать и насвистывать. В самом конце выдавала головокружительную трель, после которой песня повторялась.

И вот чего орать? Лето кончается, птенцов уже не высидишь. Видимо, птица не искала пару, а старалась исключительно из любви к искусству.

Я протянул руку и нащупал пустые складки одеяла. Глашка уже поднялась и свалила.

Бабе Дуне помогает, что ли? А я-то надеялся на небольшую порцию утренних нежностей. Ну, или на большую – это как пойдёт!

Долго расстраиваться я не стал. Если жратва не идёт к Немому – Немой сам идёт за жратвой. Я вскочил, наскоро умылся у жестяного умывальника и почистил зубы при помощи толчёного мела и тщательно разжёванной еловой веточки.

Ну, а хер ли? Для голодного мужика зубы – основной рабочий инструмент! А для кота – тем более! Их беречь надо.

Умывшись, я выглянул в окно и убедился, что никакого чёрного облака на горизонте не видно. Небо было таким ясным, словно его всю ночь стирали, а теперь повесили просушиться на августовском солнце.

Птица, увидев меня, испуганно вспорхнула с ветки и улетела. На лету она что-то возмущённо щебетала. Можно подумать, какие мы нежные! Это ты ещё Хлюпня не видела!

Я распахнул створки окна пошире и отправился вниз, надеясь раздобыть еды.

Вся компания уже сидела за столом.

– Ну, ты и дрыхнуть, Немой! – одобрительно сказал Сытин, увидев меня.

– И вам доброе утро! – ответил я и плюхнулся на свободный стул.

Ко мне тотчас же подлетела тарелка с горячими золотистыми блинами, политыми клубничным вареньем.

– Кушай, внучек! – сказала тарелка голосом бабы Дуни.

Не успел я запихать в рот первый блин, как с улицы кто-то громко постучал в ворота.

– Кого там принесло с утра пораньше? – недовольно проворчал прадед.

– Сиди, дед Миша, – сказал я, поднимаясь из-за стола. – Я схожу, посмотрю. Мыш, пригляди, чтобы они мои блины не сожрали, ладно?

– Хорошо, Немой! – кивнул Мыш. – Но учти, что жевать на ходу – вредно для здоровья.

– Ничего, – улыбнулся я, – моему здоровью хер навредишь! А ты почему один? Где супруга?

– С детьми, – ответил Мыш. – Она стесняется пока – не привыкла ещё.

– А чего нас стесняться? – удивился я и вышел за дверь.

На улице я с удовольствием втянул в себя свежий воздух. Он ещё не успел нагреться и сохранил остатки ночной прохлады.

Хорошо-то как, бля!

В ворота снова постучали.

Я спустился с крыльца и заметил, что земля вдоль забора еле заметно вспучилась. Или показалось? Я пригляделся – нет, не показалось! Земля, действительно, слегка шевелилась. Питомцы деда Миши исправно несли сторожевую службу.

Я подошёл к воротам и отодвинул тяжёлый засов.

За воротами стояли трое. Они выстроились друг за другом, словно занимали очередь.

Первым стоял крохотный мужичок с растрёпанными волосами и бородой соломенного цвета. Ростом он едва доходил мне до пояса.

Мужичок был замотан в холщовый мешок, из которого торчали голые волосатые ноги и тощие руки.

За лохматым карликом стоял, судя по виду, его двоюродный брат. Ростом не выше первого, но борода и волосы русые. К бороде прилипли высохшие берёзовые листья. Одеждой ему служил измочаленный банный веник.

Замыкал очередь коренастый детина, чем-то похожий на Василю. На его грубом, словно топором вырубленном лице простодушно моргали светло-голубые глаза.

Услышав скрип ворот, вся троица с надеждой уставилась на меня.

– Вам чего? – спросил я, на всякий случай загораживая телом проход.

– Мы к князю! – уверенным басом ответил первый мужичок. – На приём пришли, с жалобами. По обычаю.

Охереть!

– К какому князю? – офигевая, спросил я.

– К Немому! – вразнобой загалдели гости.

– Вы вместе, что ли? – не понял я.

– Нет, – снова пробасил первый мужичок. – Где это видано, чтобы домовый с банником вместе ходил?

– Домовой – это ты? – уточнил я.

– Да, – важно кивнул мужичок.

– А ты – банник? – спросил я одетого в веник.

– Банник. С Кузнечного конца.

– А ты?

Я посмотрел на голубоглазого детину.

– Я болотник. Из Лопухинки. Там за деревней клюквенное болотце, так я в нём живу. Клюква ещё не поспела, извини. Я вот грибочков принёс.

Детина вытащил из-за спины корзинку, полную грибов.

– Тут, понимаешь, какое дело... – начал он.

Но банник с домовым не дали ему договорить.

– Куда ты без очереди?!

– Так я с темноты стою, – начал оправдываться болотник, – всю ночь шёл.

– Мало ли, кто откуда шёл! – зашипел домовый. – Что там у тебя важного, в твоей Лопухинке? Вот у меня беда самая настоящая!

– А у меня?! – подхватил банник. – Совсем стыд потеряли!

– Но я же первый у ворот стоял, – упрямылся болотник.

Бля!

Я отпихнул пяткой любопытного шейлуньского червяка, который решил посмотреть на гостей. Приоткрыл ворота пошире.

– Заходите, все трое! И за мной – в дом. Только с тропинки не сворачивать – сожрут!

Сытин, увидев гостей, удивлённо поднял брови.

– Это ещё кто?

– Жалобщики мы, – важно ответил домовый. – К князю с жалобами пришли.

– К Немому?

Сытин весело заржал.

– Всё, Немой! Началась твоя служба!

Домовой уставился на меня.

– Это ты князь?

– Ну, я.

– А почему сам ворота отпираешь? У тебя что, слуг нет?

Бля! Твоё-то какое дело?

Банник тоже глядел на меня с удивлением, но помалкивал.

– Князь должен государственные вопросы решать! – поучал меня домовый. – А ворота открывают слуги. Они для того и нужны!

Охереть!

– Так, дядя! – невежливо перебил я домового. – Давай я без тебя разберусь, как мне жить. Что там у тебя за жалоба? Говори и проваливай! В смысле – иди заниматься важными делами. И другим не мешай.

– Вот видишь! – с торжеством сказал домовый болотнику. – Князь сразу разобрался, чьё дело важнее! Он хоть и молодой, но соображает! Подучиться ему, конечно, не мешает, но это дело наживное!

Болотник уныло втянул голову в широкие плечи.

– Ты посиди пока, – сказал я ему. – Блинов поешь. Сам же говорил – всю ночь шёл из Лопухинки. Проголодался?

Болотник кивнул и бочком примостился на свободный стул. Баба Дуня поставила перед ним тарелку с блинами, а Мыш пододвинул миску со сметаной.

Домовой с негодованием уставился на меня.

– А мы как же? Мы тоже гости! Это что же получается? Болотника-деревенщину князь за стол посадил, а порядочные городские жители так обойдутся?

Бля!

– Баба Дуня! – в отчаянии взвыл я.

– Я помогу! – сказала Глашка и убежала в кухню.

Умница моя!

– Так! – сказал я. – Сейчас все молча пожрём. А потом выскажете свои жалобы.

Потирая руки, я плюхнулся за стол. Моя тарелка была пуста. Мыш смущённо смотрел на меня.

– Не смог отбиться от проглотов? – ухмыльнулся я. – Надо было их копьём херачить. Хотя, они все такие крутые колдуны, что и копьё хрен поможет.

Сытин с Михеем заржали.

– И я колдунья? – спросила Глашка, внося сразу две тарелки с блинами.

Она явно набивалась на комплимент.

– Ты – самая крутая! – я приобнял её за плечи. – Просто шифруешься.

Глашка довольно улыбнулась, но блины поставила перед домовым и банником.

Домовой важно кивнул.

– Спасибо за уважение, князь!

И принялся с аппетитом чавкать.

– Прости, Немой! – виновато сказал Мыш. – Я всю ночь осваивал духовную практику Ипато Покуяки. А после неё такой аппетит, что...

От нашего хохота чуть потолок в столовой не рухнул.

– Мыш, – сказал я. – я очень рад за твою счастливую семейную жизнь. Для такого никаких блинов не жалко. Тем более что баба Дуня ещё напечёт. Правда, баб Дуня?

– Сейчас, внучек! – откликнулась с кухни баба Дуня. – Уже несу!

Вслед за этими словами в дверь влетели ещё две тарелки. Одна из них приземлилась перед болотником, вторая – передо мной. Я на лету ухватил с неё блин и запихал его в рот.

– Фкуфнятина!

Болотник робко посматривал на меня, не решаясь взять блин.

– Ты ешь, ешь! Не стесняйся! – подбодрил я его. – Мыш, так чем ты всю ночь занимался?
– Ипато Покуяки – это древняя мышинная практика принятия Лисы, – задумчиво объяснил Мыш.

Видно было, что он полностью сосредоточен на своих мыслях.

– Чего? – удивился Сытин. – Принятия кого?

– Лисы, – повторил Мыш. – Для мышей Лиса – это символ мучительной и беспощадной смерти.

Домовой продолжал жадно чавкать, ни на кого не обращая внимания. Банник ел аккуратно, насаживая кусочки блина на вилку. Болотник, глядя на банника, старался ему подражать.

– Вот оно как! – хмыкнул я, откусывая второй блин. – А для человека лиса – символ тёплой и пушистой шапки.

– Не перебивай, Немой! – нахмурился Сытин. – Дай Мышу договорить. Терпеть не могу, когда чего-то не знаю!

Домовой с возмущением уставился на Сытина, а потом на меня.

– Князь не должен позволять себя одёргивать какому-то боярину! Что это за порядки? В приличных домах такого просто не может быть!

Банник дёрнул домового за мешок и что-то зашептал ему на ухо.

Я запихал в рот третий блин и заткнулся. Пусть песдят на здоровье – мне больше еды достанется!

– Попытки спастись от Лисы делают мышиную жизнь бессмысленной, – продолжал Мыш. – Зачем искать нору, делать припасы или заводить детей, если всё равно придёт Лиса и всё сожрёт?

– Действительно, – хмыкнул Сытин.

– Чтобы вернуть жизни смысл и существует практика Ипато Покуяки – практика принятия Лисы. Надо заранее внушить себе мысль, что Лиса неизбежна. Смело посмотреть ей в глаза и научиться жить, не обращая на неё внимания.

– Глубоко, – ухмыльнулся Сытин.

Болотник с уважением поглядывал то на Сытина, то на Мыша.

– Слушай, Мыш! – спросил я. – А тебе-то это зачем? До сих пор я не замечал, чтобы ты дрожал перед какой-то лисой.

– Это всё дети, – вздохнул Мыш. – Я тревожусь за них. Тревога не даёт мне жить счастливо.

– Хочешь ещё блина? – попытался я утешить друга.

– Спасибо, Немой! С удовольствием!

Наконец, я довольно вздохнул и отодвинул пустую тарелку.

– Ну, рассказывайте! Только по очереди!

Глава 10: Проблемы нечисти

Первым, разумеется, выступил домовой.

Он доел блин, облизал пальцы и с возмущением договорил:

– Князь! Требую управы на своих хозяев!

– Они тебя обижают?

Я недоверчиво хмыкнул.

– Ещё как! – утвердительно закивал домовой. – Лишают права на спокойную и счастливую старость!

– Это каким образом?

– Дом продают и съезжают! Вот каким!

– Ну, мало ли! Захотелось людям переехать. И ты поезжай с ними.

– Так они меня с собой не берут!

– О как! А почему?

– Говорят, что я их придирками замучил! – возмущенно пробасил домовой. – А я разве придираюсь?

Ну, вообще-то да, бля! Насколько я успел заметить.

– Я только хочу, чтобы в доме порядок был! Чтобы вещи на своих местах лежали. Чтобы люди себя, как положено, вели, а не как вздумается! А если каждый будет делать, что захочет – это что получится? Бардак!

– Из множества различных устремлений складывается течение жизни, – философски заметил Мыш.

– Чего? – домовой с подозрением уставился на Мыша.

Сытин застонал от смеха.

– Ну, если ты с прежними хозяевами не ладишь – так оставайся в доме, – примирительно сказал я. – Может, с новыми уживёшься?

– А новые хозяева меня брать не хотят! – завопил домовой. – Им старые наврали, что у меня характер склочный!

Михей покраснел от смеха, бросил вилку и выскочил из-за стола. Сытин хохотал, уже не скрываясь.

– Так от меня-то ты чего хочешь? – охреневая, спросил я домового.

– Чтобы ты запретил им дом продавать! Или пусть меня с собой возьмут! Или пусть новые хозяева жить оставят! Домовому без дома нельзя! Нет такого закона!

– Как я их заставлю-то? Ты охерел совсем?!

– Как хочешь! Ты – князь! И должен соблюдать закон! А по закону я домовый, значит, мне дом положен, и точка!

Бля!

– Слушай, домовой! А ты мирно договориться не пробовал?

– А зачем? У меня есть права, и нарушать их я никому не позволю!

– Да затем, что ты уже мне весь мозг выип! Представляю, как ты с хозяевами обращаешься!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.